

Фонд «Либеральная миссия»

АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦ

**РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ —
ПРЕПЯТСТВИЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ**

Москва 2005

Гольц А.М. Российский милитаризм — препятствие модернизации страны. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 56 с.

России тяжело дается расставание с ее имперским прошлым. Один из символов этого имперского прошлого — уверенность в том, что признание России обусловлено ее военной силой, что это как бы ее конкурентное преимущество. И это неудивительно, потому что начиная с Ивана Грозного, а может быть с еще более ранних времен, страна жила в состоянии экспансии: либо на нее нападали, либо то же самое делала она. Пока была империя — война считалась нормальным состоянием, это было частью нашего образа жизни и нашего менталитета.

Сейчас ситуация изменилась, но сознание (и власти, и общества) осталось на прежнем уровне, в то время как сегодня чрезвычайно важно перестать наконец размышлять в геостратегических терминах и по-другому взглянуть на проблемы безопасности. Этому и посвящена работа Александра Гольца, военного аналитика, заместителя главного редактора «Еженедельного журнала».

© Гольц А.М., 2005

© Фонд «Либеральная миссия», 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Милитаризм и его российская разновидность	7
Милитаризм российской власти	17
Милитаризм и общественное сознание	22
Милитаризм и армия	32
Милитаризм и конкурентоспособность России	43
Заключение	50

*Автор выражает глубокую признательность
Алексею Арбатову, Александру Белкину, Владимиру Дворкину,
Льву Гудкову, Игорю Клямкину, Михаилу Погорелому, Дмитрию Тренину,
Виталию Шлыкову, Евгению Ясину, оказавшим неоценимую помощь
в формулировании идей, которые легли в основу этой работы.*

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня даже профессиональные оптимисты из Кремля и правительства вряд ли рискнут заявить, что хотя бы одна из российских реформ, начатых за последние пятнадцать лет, была последовательно проведена и успешно завершена. На этом фоне очевидных неудач процесса модернизации страны военная реформа выглядит абсолютным провалом. Если в области политической организации общества или в экономической сфере произошел как минимум отказ, частичный или даже полный, от наследия прошлого, то Вооруженные силы по сей день представляют собой уменьшенную втрое — и потому неработающую — копию Советской Армии. При этом именно военная реформа — пожалуй, единственная из всех — объявлена еще в 2003 году успешно завершённой¹. На самом деле она свелась к сокращению численности Вооруженных сил и попыткам, скорее всего не слишком успешным, создать 72 части и соединения постоянной готовности, в которых, как предполагается, будут служить только контрактники. Эта «реформа» не затронула важнейших коренных принципов устройства Вооруженных сил: комплектования, военного образования, условий прохождения службы. Президент, который еще недавно весьма энергично понуждал российских генералов к переменам, предпочел согласиться с Минобороновской трактовкой реформирования.

Однако отказ власти от военной реформы отнюдь не означает, что необходимость в ней отпала. Оборонные расходы государства устойчиво растут², но одновременно углубляется и процесс разложения Вооруженных сил. Согласно официальным (заметим, очевидно, заниженным) данным, ежегодно растет количество преступлений в армии³. Впрочем, министр обороны Сергей Иванов упорно утверждает, что в 80% воинских частей не существует «дедовщины»⁴. Население прекрасно осведомлено о ситуации в Вооруженных силах, поэтому уклонение от призыва в армию стало массовым. По официальным данным, ежегодно от службы уклоняются 17 тысяч человек⁵. При этом следует иметь в виду, что «уклонистами» военные считают лишь тех, кому удалось вручить повестку и кто потом не явился в военкомат. Однако гораздо больше таких, кто

¹ См. доклад министра обороны С. Иванова на совещании в Министерстве обороны 2 октября 2003 года при представлении брошюры «Актуальные задачи развития Вооруженных сил РФ» (<http://www.mil.ru/articles/article3667.shtml>).

² В 1999 году военный бюджет составлял 109 млрд рублей, в 2005-м он вырос до 565 млрд.

³ По данным заместителя начальника Главного управления воспитательной работы (ГУВР) Вооруженных сил РФ В. Бусловского, количество правонарушений в Вооруженных силах в 2004 году возросло на 1,5 тысячи и составило 16 тысяч. При этом «проявления дедовщины составляют 20–30% от общего количества преступлений в армии и на флоте». В 2004 году зарегистрировано 5000 случаев дезертирства и умышленного членовредительства. Наконец, в 2004 году в результате «преступлений и происшествий» погибло 1100 человек. (См.: *Плугатарев И.* Удручающий облик Вооруженных сил // Независимое военное обозрение. 2005. 11–17 марта. С. 1–3).

⁴ См.: *Калашикова Н.* Мирное бремя // Итоги. 2005. № 15. С. 7–9.

⁵ См.: *Гаврилов Ю.* Генеральский прием // Российская газета. 2004. 11 нояб.

вручения повестки успешно избегает. Только в Москве их свыше пяти тысяч человек, а в России в целом — не менее 50 тысяч¹. Кроме того, существует гигантская индустрия отсрочек, в нее вовлечены многочисленные вузы, превратившиеся в конторы по выдаче справок, коррумпированные сотрудники военкоматов и медицинские работники. Те же, кто оказался в Вооруженных силах, дезертируют. «Солдаты не просто бегут, а бегут с оружием, оставляя за собой расстрелянных сослуживцев, шлейф других кровавых преступлений», — констатирует Генеральный прокурор Владимир Устинов².

Поразительно, но в российской армии не желают служить и те, кто выбрал военное дело своей профессией. Из Сухопутных войск ежегодно увольняется 15% офицерского корпуса. При этом до 80% первичных офицерских должностей даже в частях постоянной готовности занимают «двухгодичники», выпускники военных кафедр гражданских вузов³.

Совершенно очевидно, что массовая мобилизационная армия, право сохранить которую отстояло российское военное ведомство, не отвечает ни потребностям обороны, ни возможностям страны, ни ее социальным условиям.

Таким образом, государство в настоящее время расходует огромные средства на институт, который решительно не способен выполнять функции, для которых предназначен. Более того, Вооруженные силы превратились в острейшую социальную проблему: в мирное время российская армия просто перемальвает и калечит мужское население страны.

При этом высшее российское руководство обнаруживает поразительное доверие к генералитету, неоднократно уличенному в небескорыстном вранье. Этот пиетет перед военным истеблишментом характерен отнюдь не только для хозяев главных кремлевских кабинетов, но и для российской элиты в целом. «Общество и парламент все еще в преобладающей мере находятся в плену традиционного преклонения перед священной коровой "обороны и безопасности"». Позицию любого министерства, отрасли и отдельного чиновника могут подвергнуть критике и пересмотру, но только не планы Минобороны и других "силовых" ведомств (оборонный бюджет ежегодно изменяется Думой не более чем на 0,5–1%). Чиновники в погонах воспринимаются не просто как государственные служащие, которые вполне могут ошибаться или преследовать узковедомственные интересы, а как жрецы, которым открыто таинство истины, недоступное гражданским лицам», — писал Алексей Арбатов, занимавший в 1995–1999 годах пост заместителя председателя Комитета по обороне Государственной Думы, сетуя на сохраняющуюся закрытость военного бюджета⁴.

¹ См.: Поросков Н. Два года до приказа // Время новостей. 2005. 28 апр.

² См.: Иванов В. Царство халатности и злоупотреблений // Независимое военное обозрение. 2005. 28 янв.

³ См.: Богданов С. В ротном звене // Красная звезда. 2004. 22 дек.

⁴ Независимое военное обозрение. 2002. № 45.

Но этим иррациональная сила воздействия военных представлений и подходов на российскую власть не исчерпывается. На официальном уровне многократно заявлялось, что вероятность широкомасштабной войны исключена, и все же любой конфликт, любую кризисную ситуацию в Москве предпочитают рассматривать через призму не существующего в действительности военного противостояния. Вспомним, как после трагедии и позора Беслана Владимир Путин вдруг заявил, что террористам помогают некие коварные внешние силы. Они, по словам президента, полагают, что Россия, как одна из крупнейших ядерных держав мира, еще представляет для кого-то угрозу. «Поэтому эту угрозу надо устранить», — заключил Путин. — Терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей»¹. Похожим образом реагирует Москва и на неприятные для нее события на постсоветском пространстве. Потеря влияния в Грузии и на Украине интерпретируется как угроза безопасности России. Вообще, любые неудачи во внешней политике трактуются только как военное поражение от превосходящих сил глобального противника, в котором без труда можно угадать США и Запад в целом. Всякое поражение, даже если оно обусловлено очевидными внутренними причинами — прежде всего неэффективностью пресловутой «вертикали власти», — предлагается воспринимать как доказательство внешней угрозы.

Как ни удивительно, такие аргументы действуют. Причина — специфическое сознание тех, кто считает себя элитой. До сих пор граждане России, в том числе и относящие себя к интеллектуальной элите, готовы прослезиться при виде парадных «коробок», вышагивающих прусским «гусиным шагом». По сей день, подобно персонажу фильма «Интервенция», они пребывают в восторженной уверенности, что «регулярная армия — это чего-то особенного». Граждане в большинстве своем убеждены — и это гораздо хуже, — что государство вправе требовать от них огромных жертв во имя укрепления пресловутой обороноспособности. Именно поэтому общественное мнение страны, по сути, безучастно к тому, что ежегодно в Вооруженных силах гибнет больше тысячи человек.

Моя гипотеза состоит в том, что не только на военную сферу, но и на всю политическую жизнь страны, на социальные условия в целом оказывает серьезнейшее влияние явление, которое следовало бы назвать российским милитаризмом. Попыткой проанализировать это явление, понять, насколько длительным и значимым для перспектив модернизации России может быть его воздействие, и является данная работа. Она написана на основе материалов трех ситуационных анализов и круглого стола, организованных Фондом «Либеральная миссия». В них приняли участие известные российские эксперты Алексей Арбатов, Александр Белкин, Владимир Дворкин, Лев Гудков, Игорь Клямкин, Михаил Погорельский, Дмитрий Тренин, Виталий Шлыков, Евгений Ясин.

¹ http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/04/1752_type63374type82634_76320.shtml

МИЛИТАРИЗМ И ЕГО РОССИЙСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ

Термин «милитаризм» был впервые применен в середине XIX века как характеристика режима Наполеона III во Франции¹. Несколько позже, в конце этого же столетия, один из основоположников научной социологии Герберт Спенсер в «Принципах социологии» разделил типы государственного устройства на «воинственный», когда все направлено на подготовку к войне с другими государствами, и «индустриальный», когда нормы, законы и институты имеют целью мирное экономическое усовершенствование на благо общества. Спенсер приводит следующие примеры «воинственных» обществ: «Современные Дагомея (государство в тогдашней Африке. — А.Г.) и Россия, а также древние Перу, Египет и Спарта, в социальной системе которых жизнь, свобода и имущество гражданина принадлежат государству, целью которого является война»².

Любопытно, что в тот же период и марксистская наука стала изучать милитаризм. «Армия стала главной целью государства, она стала самоцелью; народы существуют только для того, чтобы поставлять и кормить солдат, — писал в «Анти-Дюринге» Фридрих Энгельс. — Милитаризм господствует над Европой и пожирает ее»³.

Именно Энгельс был первым, кто связал милитаризм с изменением характера войны: «Соперничество между отдельными государствами принуждает их... все более и более всерьез применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием»⁴. Именно во второй половине XIX века стало ясно, что наступает эпоха мобилизационных армий. Научно-технический прогресс, проявившийся в стремительном развитии железных дорог, позволил генеральным штабам проводить массовую мобилизацию в короткие сроки. В результате появлялись гигантские армии, необходимость содержать которые влекла за собой кардинальное переустройство не только военного ведомства, но и в первую очередь самого государства. Более того, привлечение огромного числа людей к военному строительству неизбежно требовало, чтобы народ верил в необходимость превращения своей страны в военный лагерь для противостояния «враждебным государствам». Если же укрепление милитаристского государства не сопровождается эффективной милитаристской пропагандой, то актуальным становится предсказанный Энгельсом сценарий: обученный обращению с оружием народ оказывается способен осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. «И этот момент наступит, как только народная масса —

¹ См.: БСЭ. Т. 16. С. 256.

² Spencer, H. 1895. Principles of Sociology. Vol. 2. New York. P. 602.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 175.

⁴ Там же.

деревенские и городские рабочие, а также крестьяне — будет иметь свою волю. На этой ступени войско монарха превращается в народное войско, машина отказывается служить и милитаризм погибает в силу диалектики собственного развития»¹. В данном случае принципиально важен фактор милитаризации населения.

Эти идеи развил Карл Либкнехт в работе 1907 года «Милитаризм и анти-милитаризм» — пожалуй, единственной классической марксистской работе, которая полностью посвящена этой проблеме: «Милитаризм выступает... как сама армия а за пределами армии как система, охватывающая все общество посредством сети милитаристических и полумилитаристических учреждений... далее он выступает как система пропитывания всей общественной и частной жизни народа милитаристическим духом»².

Для периода, предшествующего Первой мировой войне, было типично представление о милитаризме как о системе, которая характеризуется избыточностью военных усилий государства. Так, например, определяется милитаризм в Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона: «Преобладание в государстве военных интересов над всеми остальными, стремление к беспредельному увеличению сухопутных и морских военных сил, не останавливаясь перед отягчающими народное хозяйство издержками. Господствует в европейских государствах; особенно после 1871, численность европейской армии и размеры военных бюджетов колоссально возросли, составляя около 1/4–1/3 общего госбюджета»³.

Став всеобщей и глобальной, Первая мировая война привела к кардинальному изменению государственного и общественного устройства в большинстве европейских стран, потребовала переосмыслить понятие милитаризма.

Марксизм сделал однозначный вывод: милитаризм — порождение капитализма. Ученые-марксисты предпочли не оспаривать максимы, сформулированные Лениным: «Современный милитаризм... — "жизненное проявление" капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях... и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата...»⁴.

Советские общественные науки, рассматривая проблему милитаризма, по понятным причинам считали его порождением исключительно эксплуататорского общества. Квинтэссенцией такого подхода может служить статья в Большой советской энциклопедии: «В широком смысле [милитаризм] — на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 175.

² Либкнехт К. Милитаризм и антимилитаризм. М., 1960. С. 58.

³ Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 2. Вып. 3. Стб. 565. СПб.: Початок.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 17. С. 187.

ращивание военного могущества эксплуататорского государства с целью осуществления политики захватнических войн и подавления сопротивления трудящихся масс внутри страны. Будучи постоянным явлением в обществе, разделенном на антагонистические классы, милитаризм сложился как система экономики, политики и идеологии при капитализме»¹.

Отметим при этом, что советские исследователи практически не использовали возможности для критики Запада, которые, казалось бы, открывало для них изучение «империалистического» милитаризма. По сути дела, все немногочисленные исследования, в названиях которых фигурировало слово «милитаризм», сводились к рассмотрению структуры военно-промышленного комплекса Запада, влияния военных расходов на экономику капиталистических государств. И это неслучайно: серьезное изучение иных, «неэкономических», аспектов милитаризма неизбежно выявляло аналогии с СССР и с советским обществом. Точно так же фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» неожиданно обнажал сходство фашистского режима (прежде всего его пропаганды, культуры и эстетики) и коммунистического.

Между тем зарубежная наука достаточно глубоко исследовала этот вопрос. В 1920-е годы американский политолог Гарольд Лэсвилл пишет свои классические эссе о «государстве-гарнизоне». Согласно его гипотезе, в результате развития современной военной техники и наступления эпохи тотальных войн главную роль в государстве начинают играть специалисты по применению насилия: «В государстве-гарнизоне специалист по применению насилия находится на вершине, а организация экономической и социальной жизни систематически подчиняется потребностям вооруженных сил. Это означает, что доминирующее влияние находится в руках того, кто применяет насилие»².

Видимо, наиболее полно милитаризм как явление описан немецкими исследователями. В частности, немецкий историк Герхард Риттер называет характерные черты германского милитаризма: в основе важнейших политических решений лежат военно-технические расчеты, а не всесторонний анализ с точки зрения государственных интересов, а в отношении народа к тем или иным проблемам, безусловно, доминируют военные подходы³. Вилфред фон Бредов добавляет еще одну черту: глубокое проникновение военных отношений и военных ценностей во все сферы жизни общества⁴.

Следует, правда, оговориться, что известнейший американский исследователь Самюэль Хантингтон толкует милитаризм принципиально иначе. Для Хантингтона понятия «профессиональный милитаризм» и «военный профессиона-

¹ БСЭ, Т. 16. С. 327.

² Lasswell, H. 1997. *Essays on the garrison state*. Edited and with an introduction by Jay Stanley; with a preface by Irving Louis Horowitz. New Brunswick, NJ; London: Transaction Publishers. P. 12.

³ *The political role of the military: an international handbook*. Greenwood Press, 1996. P. 143.

⁴ Ibid.

лизм» тождественны. Он считает, что профессиональный военный (то есть, в понимании Хантингтона, тот, кто служит более высоким ценностям, чем просто вознаграждение, и тем самым отличается от наемника) демонстрирует особую осторожность и ответственность, когда заходит речь об использовании военной силы, и это является сдерживающим фактором при принятии решений.

Но даже если допустить, что под милитаризмом можно понимать положительное влияние профессиональных военных на власть и общество, следует иметь в виду, что в нашем случае речь идет о явлении прямо противоположном. Источник милитаризма в России — не только и не столько профессиональные военные.

Вот как Артур Вагтс, автор классического труда «История милитаризма», разграничивает стремление укрепить обороноспособность и подготовить армию к возможной войне, естественное для любого государства, и милитаризм: «Это различие фундаментально, и оно имеет определяющий характер. Для военного подхода прежде всего характерно стремление сконцентрировать людские и материальные ресурсы для того, чтобы с максимальной эффективностью решать конкретные задачи. Милитаризм же представляет собой концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый и культовый, на власть и веру. Армия, построенная так, что служит не целям подготовки к возможной войне, а интересам военных, является по своей сути милитаристской»¹.

Показательно, что Вагтс и сам указывает на наиболее опасный источник милитаризма: «Гражданский милитаризм следует определить как безоговорочное принятие военных ценностей, манер, принципов и отношений. Приоритет отдается военным соображениям. Героическое обнаруживается преимущественно в военной службе и в военных действиях, в подготовке к которым и состоит главный интерес государства и на которые должны расходоваться главные ресурсы... Как и милитаристы в военной форме, милитаристы гражданские презирают гражданскую политику, парламентаризм, партии и т.д.»².

Следует признать, что военная составляющая государственного устройства чрезвычайно сильно повлияла на российское национальное самосознание. Официальная пропаганда настойчиво распространяет миф о том, что Россия веками оборонялась от бесчисленного множества внешних врагов, и потому стремление защищать Отчизну (следовательно, и уважение к армии) стало чуть ли не врожденным у любого достойного гражданина³. Как всякое круп-

¹ Vagts, A. A history of militarism: civilian and military. 1959. New York: Meridian Books. P. 13–15.

² Ibid. P. 453.

³ См., к примеру: *На службе отечеству*. Книга для чтения по общественно-государственной подготовке солдат (матросов), сержантов (старшин) Вооруженных Сил Российской Федерации.

ное государство, Россия вела и оборонительные, и захватнические войны. Элементарная логика подсказывает, что страна, столь существенно расширившая свою территорию, должна была быть успешной не только в самообороне. В докладной записке Александру II Генеральный штаб с гордостью сообщал, что в 1700–1870 годах Россия воевала 38 раз, причем все эти войны, за исключением двух, были наступательными¹.

Откуда взялось у россиян представление об армии как о наиглавнейшем государственном институте? Этим вопросом задавались еще историки школы Василия Ключевского. Они прямо указывали на связь между развитием российского государства и удовлетворением его военных потребностей. «Содержание служилого сословия, — писал Александр Корнилов, имея в виду события XVII века, — сделалось господствующим интересом в Московском государстве, поглощавшим все остальные интересы страны. Население обращено было к отбыванию тяжелой государственной повинности того или иного рода. В поисках за платежными силами возникает и укореняется мало-помалу своеобразная финансовая система, в основание которой кладется идея всеобщего тягла»².

Эту вековую традицию укрепил Петр I, чьи реформы преследовали, по сути, единственную цель — создать огромную армию и получить средства на ее содержание. Да и сами преобразования, признанные впоследствии великими, были во многом импровизацией, вызванной неотложными потребностями Северной войны, длившейся два десятилетия. «Военная реформа имеет очень важное значение для нашей истории, — писал Ключевский. — Это не просто вопрос о государственной обороне: реформа оказала глубокое воздействие и на склад общества, и на дальнейший ход событий... Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа — ее начальным моментом... Преобразованием государственной обороны начиналось дело Петра, к преобразованию государственного хозяйства оно направлялось»³. С Ключевским был согласен и Павел Миллюков. В известном труде «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого» он утверждал: «Вся государственная реорганизация в целом есть продукт военно-финансовых потребностей государства. В своем осуществлении она вызвана обстоятельствами Северной войны»⁴.

«Тяглом», то есть одной из самых тяжелых повинностей всех сословий, военная служба в России стала с момента создания регулярной армии западного образца. Рекрутская система, заимствованная у противника — Швеции, на два

¹ Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898. С. 113–114.

² Курс истории России XIX века. М., 1992. С. 20.

³ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4. М., 1958. С. 64–65.

⁴ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого. СПб.: Типография М.М. Стасилевича, 1905. С. 303.

века обеспечила Россию пушечным мясом, и этот ресурс казался властителям страны неисчерпаемым. Если другие европейские государи содержали наемные армии, размеры которых были ограничены возможностями казны, то русские императоры могли содержать армию гигантскую по тем временам, пополняя ее ряды одним росчерком пера. В эпоху, когда победа зависела прежде всего от численного превосходства, это заведомо обеспечивало перевес над любым противником. Такая система просуществовала 170 лет, потому что идеально соответствовала социальной и экономической структуре государства.

«Российская отсталость была источником огромной военной мощи. Как раз обстоятельства, которые делали Россию отсталой и менее развитой, чем Западная Европа, — самодержавие, крепостное право, бедность, — парадоксальным образом превращались в источники военной мощи, — пишет известный американский военный историк Уильям Фуллер. — Безжалостное самодержавие могло мобилизовать российскую экономику для ведения войны. Режим несвободы позволял полностью выкачивать людскую силу и материальные ресурсы из деревни. И неважно, что рекруты были плохо обучены и что их плохо кормили. Новобранцы из крестьян привыкли к лишениям»¹.

Именно потому, что отсталость и угнетение послужили источниками невиданной военной мощи, стали возможны победы русского оружия над многими великими полководцами XVIII — начала XIX века. Золотой век отечественной военной истории открыла битва под Полтавой, где потерпел поражение Карл XII. Затем последовала Семилетняя война с победой над Фридрихом Великим. Завершился век разгромом Наполеона. Ничуть не преуменьшая полководческие таланты Апраксина, Румянцева, Миниха, Потемкина, Суворова и Кутузова, следует, однако, помнить, что возможность жертвовать любым числом солдатских жизней была основой русского военного искусства. В XIX столетии российская элита, ослепленная победой над Бонапартом, не смогла осознать, что промышленная революция лишает ее военного превосходства, которое, казалось, будет вечным. Однако под Севастополем российская армия потерпела позорное поражение от вражеского десанта на собственной территории.

Рекрутская система просуществовала в России до 1877 года. Последовавшие затем реформы при всей их прогрессивности не вернули русскому оружию славы победоносного. Вполне современные на тот момент формы военной организации — прежде всего отказ от рекрутской системы и переход к всеобщей воинской повинности — не отвечали состоянию военной мысли в России, интеллекту правителей и уровню общественного развития страны. Долгие годы муштры вырабатывали у русских солдат привычку безоговорочно слушаться офицеров. В призывной же армии (например, в германской или

¹ Fuller, W.C. Strategy and power in Russia. 1600–1914. New York: Free Press. P. 82–83.

японской) только образованные офицеры-профессионалы, составляющие ее основу и постоянно совершенствующие свое боевое мастерство, способны за короткий срок превратить рекрутов в солдат и внушить им милитаристские идеи. Попытку начать подготовку инициативных офицеров-профессионалов остановил на полпути Александр III, и потому в начале XX века не удалось превратить тысячи крестьян в абсолютно послушных солдат, неспособных даже подумать об отказе выполнить приказ. Стоило в 1917-м власти офицеров пошатнуться, как солдатская масса поддержала ту силу, которая обещала остановить войну.

На первых порах большевики, согласно социалистической идее, начали формировать добровольческую армию милиционного типа. Однако, как только встал вопрос выживания советской власти, была тут же объявлена массовая мобилизация. После Гражданской войны, в 1925–1935 годах, в СССР сосуществовали небольшая кадровая армия и территориальная милиция, но тогда Михаил Фрунзе считал, что «сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца, в первую очередь каждого члена руководящей жизнью государства коммунистической партии должно быть пропитано той мыслью, что положение осаждаемой крепости, каковой до сих пор являлась наша страна, не прошло и не пройдет, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены по-прежнему на создание и укрепление нашей военной мощи; что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания и заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой дело строительства наших вооруженных сил только и может идти успешно»¹. После такой констатации Фрунзе по-своему логично делал вывод: «Мы обязаны поставить под ружье все народы нашего союза, превратить союз в вооруженный лагерь. Это должна быть задача не только военного ведомства, но и гражданского аппарата, советского, профессионального, партийного»².

И уже во второй половине 1930-х начался постепенный переход к призывным Вооруженным силам. В 1939 году был принят Закон о всеобщей воинской обязанности, в свете приближавшейся Второй мировой войны позволивший быстро развернуть огромную армию. Следует, однако, отметить, что еще до того, как сделать этот шаг, власть начала последовательно возрождать в обществе полуфеодалные отношения: крестьяне потеряли право покидать деревню и распоряжаться результатами своего труда. А безропотный крестьянин — идеальный солдат для армии, которая не жалеет человеческих жизней.

¹ Фрунзе М. Единая военная доктрина и Красная Армия (<http://lib.rin.ru/cgi-bin/load/docs.pl?open=37688.txt&page=0>).
² Там же.

Победа над гитлеровской Германией, это величайшее достижение русской военной школы, оплаченное миллионами жизней, на десятилетия ослепила советское военное руководство. Более полувека оно сохраняло в неприкосновенности армейскую организацию времен Великой Отечественной войны. Военным даже в голову не приходило, что необходимо изменить систему комплектования Вооруженных сил и военную организацию государства.

Советский Союз и при Сталине, и после его смерти всегда представлял собой огромный военный лагерь, живший по законам войны. Образование и воспитание были призваны формировать не свободных людей, а солдат (не случайно такое воспитание именовали и продолжают именовать военно-патриотическим). Считалось, что тот, кто не умеет споро разбирать и собирать автомат Калашникова, не может и Родину любить. Назначение экономики видели не в удовлетворении потребностей народа, а в способности производить вооружения. Топливо-энергетический комплекс, металлургия и машиностроение с помощью системы мобилизационной подготовки были точно так же нацелены на военные нужды, как и предприятия девяти оборонных министерств.

Именно эта установка на всеобщую мобилизационную готовность и предопределила банкротство советской промышленности, считает известный российский военный эксперт Виталий Шлыков¹. Почти три века (с небольшими перерывами на 1860–1880, 1905–1914, 1925–1935 годы, а затем, после 1987-го, вплоть до наших дней) главной, если не единственной, государственной задачей было содержание огромной военной машины.

Такую форму организации государственного бытия точнее всего передает понятие «милитаризм», как ни прискорбно применять его к стране, понесшей во Второй мировой войне столь огромные потери. В течение трех веков Россия практически не знала иного способа концентрации государственных ресурсов, нежели военная мобилизация. Генетическая связь между петровскими указами, александровскими военными поселениями, трудармиями Троцкого и советскими стройбатами неоспорима. Три столетия человек интересовал российское государство в первую очередь как будущий солдат, а во вторую — как источник средств для содержания армии. Уже упомянутый Гарольд Лэсвилл именно в СССР черпал примеры для описания государства-гарнизона: «Централизованы не только административные структуры, но даже всякое проявление социальной активности должно концентрироваться в руках немногих».

В западной политической науке существует и широко используется понятие национальной военной культуры как совокупности исторических, социальных, экономических факторов, определивших особенности военного мыш-

¹ См.: Шлыков В. Что погубило Советский Союз. Генштаб и экономика. М., 2002.

ления, подходов к военному делу в той или иной стране. В основе российской военной культуры как раз и лежит представление о том, что войны выигрывают благодаря, во-первых, наличию многомиллионной армии в мирное время, во-вторых, неисчерпаемым человеческим резервам, позволяющим постоянно замещать выбывших солдат новыми, и, в-третьих, способности государства административными методами концентрировать все имеющиеся в стране средства для обороны. Этим объясняется, почему российские генералы по сию пору намерены отражать широкомасштабную агрессию с помощью массовой мобилизации.

Важнейшим элементом российской армии, ее основой и стовым хребтом является не офицерский корпус, а плохо обученная солдатская масса, сила которой состоит лишь в способности к постоянному пополнению. У офицеров минимум возможностей проявлять инициативу, поскольку это трудно делать, командуя наспех обученными новобранцами или резервистами. Потому и офицеров в России готовят, если пользоваться терминологией Самьюэла Хантингтона, не для того, чтобы управлять насилием (*management of violence*), а только для того, чтобы его применять (*use violence*), — то есть как своего рода военных ремесленников, знакомых с одной-двумя системами оружия. В хорошем гуманитарном образовании для офицеров руководители военного ведомства никакой необходимости не видят, хотя именно оно есть главное условие формирования профессионального мировоззрения и профессиональной этики. Однако и то и другое — лишь помеха при командовании массовой армией, которая функционирует исключительно на принципах безоговорочного выполнения приказов старших начальников.

Российская военная культура оказала определяющее влияние и на культуру политическую. Известный американский ученый Ричард Пайпс обратил внимание на то, что Николай II направил манифест об отречении не в Думу, которая отречения требовала, а начальнику штаба российской армии. В глазах императора именно генералы были хранителями суверенной власти. «Армия была источником и одновременно воплощением стабильности и законности российской империи и в глазах наследников Николая»¹, — уверен известный американский военный историк Уильям Одом. Армия в глазах российских правителей — это прежде всего символ высшей государственной власти. «Армия — это живое воплощение государственного бытия в России», — без тени иронии писал Петр Струве. Сегодня его практически повторяет кремлевский политтехнолог Глеб Павловский: «Что такое Россия, если не армия и русский язык». Для современных руководителей страны, так же как для русских царей и советских генсеков, контроль над армией и так называемыми силовыми структурами является важнейшим атрибутом власти.

¹ Odom, W. The Collapse of the Soviet Military. Yale University. P. 63.

Именно поэтому российское правительство поделено на две неравные части. Одни министры — явно занимающие в бюрократической иерархии менее важное место — отвечают за социальную сферу и подчиняются премьеру, а руководители десятка военных и военизированных ведомств входят в Совет Безопасности и подчиняются непосредственно президенту. Подобный «двухъярусный» кабинет существовал разве что в Пруссии и в Германской империи.

Особенностями национальной военной культуры объясняется скорее всего и двойственное отношение российского народа к армии. С одной стороны, никто не оспаривает право государства призывать людей в армию и распоряжаться их жизнью, не неся при этом серьезной ответственности за их гибель (более того, российские военачальники считают это естественным¹). А с другой — общество не осуждает тех, кто любыми путями уклоняется от военной службы.

Как ни парадоксально, но в настоящее время можно с уверенностью констатировать: под воздействием объективных процессов, определивших развитие страны, российский милитаризм умер, так как лишился основного источника своей жизненной силы — возможности использовать постоянно возобновляемую человеческую массу. Демографическая ситуация в современной России такова, что к концу десятилетия численность юношей в возрасте 18 лет сравняется с количеством солдатских и сержантских должностей в Вооруженных силах. Это означает, что концепция массовой мобилизационной армии не может быть реализована в принципе. Очевидно и то, что российская промышленность никогда уже не сможет в случае необходимости начать массовый выпуск вооружений в достаточном для оснащения многомиллионной армии объеме.

Но как умерший микроб может еще долго интоксцировать организм, так и российский милитаризм способен еще долгое время отравлять сознание граждан.

¹ А. Квашнин в бытность начальником Генерального штаба Вооруженных сил писал: «Народу России присуща традиционная система собственного миропонимания, приоритетов, моральных ценностей и даже милитаризованное сознание... Российские ценности существенно отличаются и будут отличаться от ценностных установок цивилизованного Запада» (см. статью «Геополитическое положение России и ее национальные интересы», напечатанную в «Вестнике Академии военных наук». 2003. № 4. С. 7).

МИЛИТАРИЗМ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Второй президент России Владимир Путин в полной мере проявляет свойства «гражданского милитариста», как их описал Альфред Вагтс: безоговорочное предпочтение «военных ценностей, манер, принципов и отношений» и глубокое презрение к «гражданской политике, институту выборов, парламентаризму и партиям».

Именно война и была той мощной силой, которая вознесла Владимира Путина к власти. Российский избиратель, напуганный вторжением банд чеченских боевиков в Дагестан и последовавшими за этим террористическими актами, взрывами домов в Москве и Волгодонске, поспешил поддержать того, кто сказал, что обеспечит ему безопасность, и пообещал сделать это простым и понятным способом — с помощью военной силы.

При этом российский президент демонстрировал вполне искреннюю любовь к парадно-героической стороне жизни Вооруженных сил: летал на истребителе, спускался на борт подводной лодки. Создавалось впечатление, что из мира политики, будто бы представлявшегося ему враждебным и продажным, он всячески стремится убежать в мир военных, по его мнению, ясный, простой и благородный. Весьма показательным, что буквально с первых дней своего пребывания в Кремле Путин стал строить государство, которым, как ему казалось, можно идеально управлять, — он начал создавать пресловутую вертикаль власти. Путин представлял себе наилучшую модель управления Россией как строго иерархическую систему, подобную армейской. На вершине пирамиды — президент, он же верховный главнокомандующий, а ниже уровень за уровнем занимают исполнительные и преданные чиновники, способные довести волю высшего руководителя до каждого уголка огромной страны. По сути, введение этой системы означает, что власть в России по-прежнему строится по военно-феодальному принципу: власть в представлении властителя безраздельна. Вся практика путинского режима, который низвел парламент и судебную власть до роли марионеток, свидетельствует: принцип разделения властей рассматривается как ересь, а принцип единоначалия распространяется и на политическую систему государства.

Такую «вертикаль власти» строили российские правители от Петра I до Иосифа Сталина. Возрождение подобных идеалов сегодня связано не в последнюю очередь с романтизированными представлениями Владимира Путина и его коллег из ФСБ об эффективности армейской системы управления. Будь Путин профессиональным военным, он наверняка знал бы, что беспрекословное выполнение приказа старшего начальника в гигантской структуре военного ведомства — скорее исключение, чем правило.

На самом деле, убрав все сдержки и противовесы, сконцентрировав в своих руках огромную власть, замкнув на себя принятие сколько-нибудь важных решений, лидер становится заложником той информации, которую получает, и, стало быть, заложником собственных секретарей. Поэтому развал сколоченной

по армейскому шаблону вертикали при любом серьезном кризисе закономерен. Вспомним трагедию в Беслане. Как только была получена информация о захвате школы, президент срочно вернулся из Сочи в Москву, в аэропорту провел совещание с ближайшими министрами, после чего и было объявлено, что Патрушев и Нургалиев вылетели в Беслан. Разумеется, отправиться туда они могли лишь по президентскому приказу, о чем и сообщила президентская пресс-служба¹. Однако, как выяснила спустя год парламентская комиссия, ни тот ни другой в Беслане не были: предпочли где-то отсидеться. Более того, до сих пор так и не известно, кто именно руководил оперативным штабом. И более чем показателен ответ Путина на столь очевидный провал действия «властной вертикали»: отменить выборы губернаторов, еще больше укрепив таким образом систему прямого подчинения президенту всех и вся.

Еще одним проявлением глубоко милитаризированного сознания современных российских руководителей является представление о военной силе как об абсолюте и панацее. Десятки раз в самых разных обстоятельствах Владимир Путин и его приближенные объясняли свои неудачи именно отсутствием военной силы. Наиболее ярко это продемонстрировала путинская реакция на Беслан: «Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы. Кроме того, наша страна — с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей — в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока. В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых — бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения этих целей»².

Упоминание о ядерном факторе многим показалось тогда неизжитым пережитком «холодной войны». На самом деле, оно напрямую связано с уверенностью российского президента в том, что военная сила — определяющий критерий мощи и влияния государства. При этом он прекрасно отдает себе отчет в слабости российских сил общего назначения. В этих обстоятельствах лишь те шесть тысяч ядерных боеголовок, которыми располагает сегодня Москва, превращаются в представлении Владимира Путина в единственный фактор, который уравнивает Россию с Соединенными Штатами, самой мощной мировой державой. И Кремль исходит из того, что ядерный паритет с США подкрепляет российскую позицию даже в вопросах, далеких от ядерного сдерживания.

¹ <http://www.kremlin.ru/text/news/2004/09/76177.shtml>

² http://www.kremlin.ru/appears/2004/09/04/1752_type63374type82634_76320.shtml

Именно этим и можно объяснить то упорство, с которым российское руководство боролось за сохранение Договора по ограничению систем противоракетной обороны¹. Совершенно очевидно, что в современных обстоятельствах вряд ли стоило опасаться, что Соединенные Штаты, развернув систему противоракетной обороны всей страны, посчитают это достаточным для угрозы безопасности России. Дело в другом: Договор по ПРО был уникальным международным документом, который констатировал, что в мире есть государство, способное уничтожить США, и, более того, Соединенные Штаты вынуждены мириться с этим фактом.

Когда сохранить Договор не удалось, российская власть сконцентрировалась на том, чтобы доказать всему миру: российские ракеты по-прежнему могут преодолеть американскую систему противоракетной обороны. Последние полтора года и президент, и министр обороны регулярно говорят о некоем невиданном ракетном оружии. Эксперты единодушно полагают, что речь идет о боеголовках межконтинентальных баллистических ракет, которые, войдя в воздушное пространство, начинают маневрировать. Российские должностные лица уверены, что, восстановив таким образом паритет с США, они возвращают себе возможность вести диалог с американцами на равных.

В действительности эти схемы сосуществования, актуальные для эпохи холодной войны, в настоящее время не слишком эффективны. Ядерное оружие превращается в рычаг реального политического давления только в том случае, если дополняется безрассудством своего владельца. Советский ядерный потенциал был важным инструментом внешней политики потому, что в Вашингтоне считали кремлевских старцев безумными и непредсказуемыми. Что до Владимира Путина, то он создал себе репутацию человека вполне рационального. А это означает, что одна-единственная боеголовка в распоряжении северокорейского диктатора Ким Чен Ира куда более эффективна политически, чем тысячи боеголовок в руках Путина. Но осознать это российский президент уже не в состоянии: милитаристские стереотипы в нем явно побеждают рационализм.

Эти же стереотипы оказывают определяющее влияние на российскую политику на постсоветском пространстве. Очевидно, что она не особенно успешна: ряд бывших республик Советского Союза стремятся интегрироваться в Евросоюз и НАТО. Глубокий кризис СНГ крайне неприятен Кремлю, но он не означает военной угрозы России. Тем не менее свое недовольство Москва внятно высказывает исключительно в вопросах, связанных с российским военным присутствием в бывших республиках СССР. Ни от обладания базами в Грузии, ни от возможно-

¹ Подписан в Москве в 1972 году. Действие прекращено в 2002-м из-за одностороннего выхода США. Предусматривал обязательство не развертывать системы ПРО на территории своей страны и не создавать основу для такой обороны, ограничивал число районов размещения системы ПРО для каждой стороны, количество пусковых установок в районе размещения и противоракет на стартовых позициях. Стороны обязались не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования.

сти Черноморского флота базироваться в Севастополе безопасность России не зависит. Однако Кремль втягивается в длительные и бессмысленные конфликты, идет на экономические уступки с единственной целью — сохранить военное присутствие, несмотря на то что оно давно потеряло собственно оборонное значение.

Еще один признак милитаристского мышления российской власти Дмитрий Тренин остроумно назвал «секьюритизацией». Основная профессия президента и тех, кто составляет его окружение, определяет их отношение к получаемой информации. Профессиональная привычка к секретности, восприятие именно тайной, закрытой стороны любой деятельности как наиболее — а может быть, и единственно — важной. В то же время всякая информация, которую можно обнаружить в свободном доступе, представляется им обманкой, а то и специально подготовленной дезинформацией.

В этой ситуации неизбежно в лучшем случае сужение каналов поступления информации, а в худшем — неадекватное ее восприятие. Если важно и интересно только то, что можно добыть агентурным путем, то абсолютизируется секретность. В результате непроверенный слух, нечто сказанное кому-то при совершенно необъяснимых обстоятельствах доводится до сведения первого лица государства, в то время как очень важные процессы, вроде бы происходящие у всех на глазах, оказываются вне внимания тех, кто принимает решения.

Преувеличение значения секретных методов управления оборачивается пренебрежением к гласности. Нет ничего более противоречащего путинскому методу управления страной, чем прямое и откровенное заявление о целях и задачах власти. По Путину, все, что говорится открыто, — это чаще всего обман, дезинформация. «Я не смотрю на те заявления, которые делают наши партнеры для прессы. Я опираюсь на ту информацию, которая появляется в ходе наших личных дискуссий»¹, — совершенно серьезно заявляет президент.

При таком подходе глава государства, который прилюдно рассказывает о том, что он намеревается сделать в ближайшее время, уподобляется генералу, сообщающему всем желающим план военной операции. Подобной глупости президент не допустит никогда. Правительство, политики, руководители телеканалов — все получают внятные конфиденциальные приказы из Кремля и, стало быть, не нуждаются в директивах. А оппонентам власти вообще незачем знать, что она задумала. При таком подходе Послание Федеральному Собранию есть не что иное, как ловко составленная дезинформация. Ее цель — дезорганизовать противника.

По сути дела, российская власть превратилась в подобие человека, который не снимает прибор ночного видения даже днем, а потому и в яркий солнечный день видит мир серо-зеленым.

Наконец, вера в то, что принцип военной организации является идеальным для общества в целом, привела к тому, что в последние годы в органах власти всех

¹ <http://vip.lenta.ru/doc/2005/04/24/putinchannel/>

уровней оказалось непропорционально большое число отставных офицеров Вооруженных сил и специальных служб. Это позволило политологу Ольге Крыштановской говорить о наступлении эпохи «милитократии»¹. Сегодня генералов в отечественной политике даже больше, чем в ельцинские времена. Но власть не опасается генеральской фронды: яркие оппозиционеры, вроде Александра Лебедя или Льва Рохлина, исчезли с политической сцены. Если в эпоху Горбачева — Ельцина генералы становились политиками, когда отказывались играть по правилам, навязываемым властью², то сейчас Кремль сам назначает их в политики. Высокопоставленные военные и работники спецслужб стали главным кадровым резервом в системе «управляемой демократии». Нужен надежный человек на должность президента Ингушетии — власть обеспечивает избрание генерала ФСБ Мурата Зязикова. Потребовался губернатор Калининградской области — на это «задание» отряжается командующий Балтфлотом адмирал Владимир Егоров. Из семи президентских полпредов в федеральных округах пятеро — генералы. Ситуация изменилась настолько, что в политики выталкивают из армии слишком активных военачальников³. По данным О. Крыштановской, в аппаратах президентских полпредов многие посты (в некоторых округах — до 70%) молниеносно заняли военные⁴. Вдвое вырос процент военных среди губернаторов.

Однако, на мой взгляд, говорить о «милитократии» все-таки не совсем точно. Не оправдывая президентских надежд, обладатели генеральских звезд вовсе не являют собой образец исполнительности и аккуратности. Высокие должности они рассматривают как место «кормления» и не более того. Коррупция при Викторе Казанцеве, бывшем командующем Северо-Кавказским военным округом, получившем должность президентского полпреда в Южном округе, а также при ульяновском губернаторе Владимире Шаманове превысила даже российские стандарты. Военные не привнесли ничего нового в систему и традиции российской бюрократии. По существу, милитаризация российской государственной системы весьма поверхностна.

¹ См., например: *Крыштановская О.* Исследования российской элиты. Тезисы выступления в Высшей школе экономики 1 октября 2003 г. (www.hse.ru/science/yassin/seminar_2003_10_01.pdf).

² «Начиная с 1988 года, с Сумгаита, я не получал ни одного письменного приказа, — с вполне искренним раздражением рассказывал А. Лебедь. — Телефонный звонок: "Летите, соколы, в ту сторону, там нехорошо, наведите порядок" — и все. В Тбилиси, например, я прилетел с тремя полками — на 140 военно-транспортных самолетах. Представляете, какая это работа: поднять десятки самолетов в разных городах, построить эту армаду в воздухе, пригнать, а потом, когда Горбачев удивляется, сделать вид: а черт ее знает, как она туда попала... Ничего с тех пор не изменилось. Каждый раз мне звонили по телефону. Ни разу не получал письменного приказа. Как будто это командир дивизии сам решал погрузить личный состав в самолеты и лететь в Тбилиси, Вильнюс и Баку. Я вдруг понял, что я только инструмент. Я устал от дураков, которые отдают мне приказы» (Новые известия. 2001. 5 окт.).

³ Так случилось, например, с генералом В. Шамановым, который напугал Путина, когда осенью 1999-го принял открыто шантажировать Кремль, угрожая «снять погоны» в случае получения приказа остановить наступление в Чечне. Вскоре Шаманову предложили подать в отставку и помогли избраться губернатором Ульяновской области.

⁴ *Крыштановская О.* Владимир Путин протезирует бывшим военным // *Suddeutsche Zeitung*. 2003. 22 июля (<http://www.inosmi.ru/translation/187653.html>).

МИЛИТАРИЗМ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Следует признать, что Кремль настойчиво стремится внедрить собственные милитаристские предрассудки в сознание россиян. И не без успеха, о чем свидетельствуют результаты многочисленных опросов общественного мнения. За десять лет процент положительных ответов на повторяющийся вопрос «Есть ли у России враги?» увеличился с 13 до 77%, причем основной рост пришелся именно на «путинское» пятилетие¹. Более того, в мировой заговор против России верят 45% респондентов, не верят 39%². При этом население испытывает доверие к Вооруженным силам. Так, армия стабильно занимает третье (после президента и церкви) место в рейтингах доверия³.

Если большая часть населения искренне верит, что страна находится в окружении врагов, логичным выглядит и вполне снисходительное отношение россиян к тому, что такой важный для их безопасности институт, как армия, превратился в Молоха, который последовательно перемалывает молодое поколение страны. В 2002 году министр обороны РФ Сергей Иванов по недосмотру пресс-службы огласил шокирующие цифры из секретной, как потом выяснилось, части своего доклада⁴. Он сообщил, что в результате преступлений и происшествий в российской армии за 10 месяцев 2002 года погиб 531 человек. Поначалу военные испугались скандала, а общество ничего и не заметило. Если никого не волнует смерть сотен юношей, то почему бы не быть честными? И вот уже в докладе 2004 года сообщалось, что вне боевых потерь в российской армии погибли свыше 900 человек. И снова никакой общественной реакции. Более того, пытаясь манипулировать данными, например занижая цифры боевых потерь в Чечне, Минобороны постоянно попадает впросак. Так, из доклада Иванова следовало, что в 2004 году в российской армии покончили жизнь самоубийством больше военнослужащих, чем погибли в результате боевых действий в Чечне⁵. Но и это не вызывает никакой реакции. Министр обороны 21 июня 2005 года на встрече с российским уполномоченным по правам человека Владимиром Лукиным пообещал ежемесячно публиковать данные о всех фактах гибели военнослужащих: он уже твердо знает, что никакие, даже самые шокирующие цифры не пробудят общественного протеста.

Это отнюдь не единственный пример готовности народа России платить «почетный долг», возложенный на него руководством страны. В 2002–2003 годах партия «Союз правых сил» в ходе предвыборной борьбы попыталась сде-

¹ Эти и многие другие данные, использованные в этой главе, а также их анализ почерпнуты из выступлений Л. Гудкова в ходе ситуационных анализов, организованных Фондом «Либеральная миссия».
² <http://www.levada.ru/press/2004101204.html>
³ <http://www.levada.ru/press/2004092702.html>
⁴ См.: *Коротченко И.* Интриги по-генеральски // Независимая газета. 2002. 16 дек.
⁵ <http://www.mil.ru/articles/article8577.shtml>

лать вопрос военной реформы и отмены службы по призыву в Вооруженных силах ключевым в своей программе. Казалось бы, это должно было обеспечить СПС симпатии значительной части населения страны. Однако снова никакой реакции не последовало. Превращение вопроса о военной реформе в важнейший предвыборный приоритет не спасло СПС от сокрушительного поражения.

Вроде бы, есть все основания согласиться с рассуждениями бывшего начальника Генштаба Анатолия Квашнина по поводу того, что сознание россиян изначально милитаризовано¹. Почти половина россиян и в самом деле готовы вслед за лидерами страны верить в то, что страна окружена врагами, как и в то, что защитить Россию может только мощная армия, в которой они, вслед за лидерами, видят едва ли не святыню и самодостаточный «государствообразующий» институт, являющийся непреходящей ценностью.

Однако легко обнаружить, что сами россияне не горят желанием лично участвовать в защите Отечества. При том, что 48% полагают, что армия не может защитить страну², лишь 28% хотели бы, чтобы их ближайшие родственники в этой армии служили³. Опросы ясно показывают, что, несмотря на официальную пропаганду, россияне отдают себе отчет в том, до какой степени разложения дошли Вооруженные силы. Отношение к действующей армии — это смесь страха, тревоги и стыда, — констатировал Лев Гудков, ведущий специалист Левада-Центра, в ходе ситуационных анализов. — У 37% опрошенных она вызывает острое чувство тревоги и страха перед призывом, у 24% — чувство стыда и только лишь менее чем у 12% — остаточную гордость Вооруженными силами⁴.

Мало того, значительная часть респондентов готова пойти на прямое членовредительство, чтобы избежать армейской службы. На вопрос «Согласились бы Вы, чтобы в результате простой медицинской процедуры призывник из Вашей семьи обеспечил бы себе какое-нибудь хроническое заболевание (например, язву желудка), чтобы получить освобождение от службы в армии?» 44% ответили «да»⁵. Еще более красноречивы данные опроса, проведенного организацией «РОМИР-мониторинг» среди студентов и их преподавателей. Каждый четвертый студент положительно относится к отмене отсрочек от призыва, но при этом больше половины тех, кто входит в эту группу, готовы использовать любые способы, чтобы уклониться от службы в Вооруженных силах⁶.

Дело, впрочем, не ограничивается выраженным нежеланием непосредственно участвовать в военных приготовлениях. По мнению Л. Д. Гудкова, с 1988 года, то есть с момента, когда были начаты систематические исследования, обще-

¹ См. прим. на стр. 16.

² <http://www.levada.ru/press/2005022201.html>

³ <http://www.levada.ru/press/2005020902.html>

⁴ <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=555>

⁵ <http://www.levada.ru/press/2005022201.html>

⁶ <http://www.ej.ru/comments/entry/1106/>

ство всякий раз резко негативно реагировало на предполагаемые планы участия в военных действиях в том или ином регионе. Население России было настроено решительно против применения войск в конфликтах на всем пространстве бывшего СССР (в Средней Азии, в Прибалтике, на Кавказе, включая и Чечню), против отправки войск на Балканы и т. п. Доминанту массовых настроений на протяжении последних пятнадцати лет можно было бы сформулировать так: только не втягивайте нас в ваши войны и конфликты, дайте спокойно пожить.

Отношение к войне к Чечне в данном случае более чем показательное. По данным, которые приводил Л. Д. Гудков в ходе ситуационных анализов, начиная с весны 2001 года соотношение поддерживающих войну в Чечне до победного конца и выступающих за мирные переговоры составляет примерно один к двум: абсолютное большинство россиян (в среднем чуть больше 60%, временами до 70%) выступает за мирные переговоры и примерно 24–27% — за продолжение войны¹. Такие настроения свидетельствуют об исчерпанности потенциала милитаристской мобилизации.

Напротив, любые акции, политические заявления и действия, направленные на сохранение мирного сосуществования, установление партнерских, спокойных отношений между Россией и другими странами (включая даже те государства, которые вызывают недоверие или антипатию) воспринимались положительно. Этим объясняются и высокая оценка деятельности Михаила Горбачева в первые перестроечные годы (вывод войск из Европы, нормализация отношений с Западом и НАТО), и — позднее — положительная оценка Бориса Ельцина с его начальной политикой «открытой демократической России»².

Зато к перспективе более активного участия армии в политике, к сценариям государственного переворота при помощи военных (здесь явно прослеживается негативный опыт 1991 и 1993 годов), давлению военной «верхушки» на руководство страны россияне относятся крайне негативно. Абсолютное большинство населения смирилось с тем, что Россия перестала быть сверхдержавой, авторитет которой в мире базировался на обладании ракетно-ядерным оружием, на страхе, внушаемом остальным странам.

Это, впрочем, не означает, что нельзя поднять волну массовой истерии, как, например, во время бомбардировок Югославии войсками НАТО в 1999 году. Тогда властям удалось вызвать бурный всплеск антиамериканизма, поскольку российские СМИ интерпретировали действия НАТО как демонстрацию силы США в отношении России. И это, в свою очередь, реанимировало представления времен холодной войны об антироссийском заговоре западных стран и их стремлении колонизировать Россию.

¹ www.liberal.ru/news.asp?Num=825

² www.liberal.ru/sitan.asp?Num=537&print=1

Еще более сильную волну негативной, как ее называют социологи, мобилизации (но уже с помощью угрозы внутренних врагов) удалось вызвать в сентябре 1999 года после серии терактов в российских городах. Именно этой волной страха и ярости, желания мести, готовности переступить через себя и разрубить узел неразрешимой политической проблемы и воспользовался Путин со своей командой для изменения политической системы в России. Но по мере того как страна увязает в войне, начатой Кремлем, негативная, воинственная мобилизация в обществе ослабевает. Последний ее пик был связан с захватом «Норд-Оста», и ни разу эти настроения не продержались дольше полутора месяцев. А вот захват заложников в Беслане, несмотря на путинскую истерику, уже не дал такой агрессивной реакции.

При этом социологи однозначно говорят о том, что неспособность российского населения к негативной воинственной мобилизации вовсе не свидетельствует о массовом пацифизме, не демонстрирует сознательного стремления к миру, терпимости или проявлению большей политической разумности. Просто люди не могут длительное время пребывать в состоянии военной взвинченности, коллективной агрессии.

Итак, россияне, с одной стороны, всерьез верят в то, что более сильные государства всячески ущемляют «слабую» в военном отношении России, а с другой — не испытывают никакого желания сопротивляться «врагам», более того, заранее готовы сдаться в этой виртуальной, придуманной войне на милость победителя.

Социологи считают, что в настоящее время мы имеем дело не с милитаристским сознанием как таковым, а с продуктами его разложения. Массовое сознание характеризовалось готовностью к войне, пониманием ее неизбежности и оправданности в 1930–1950-х годах, а чуть позже, в 1960–1970-х, добавилось ощущение «нормальности» существования в условиях противостояния двух систем. Это чувство, в полной мере присущее послевоенному советскому человеку, делало в глазах основной массы населения «естественным» и «само собой разумеющимся» функционирование тех силовых и репрессивных институтов (армии, МВД, спецслужб), которые определяли режим жизни в условиях «осажденной крепости», «страны в кольце врагов». Но уже к концу брежневского правления, а тем более в годы перестройки такое восприятие действительности подверглось сильнейшей эрозии. Именно окончание холодной войны, вывод войск из Афганистана, общая демилитаризация (сокращение Вооруженных сил втрое, не раз звучавшие в 1990-х декларации о том, что у России нет военных противников, жесткая критика в СМИ состояния дел в армии и действий российских войск в Чечне) были признаны населением самыми важными изменениями тех лет.

Но это совершенно не означает, что милитаристское сознание россиян исчезло или исчезнет в обозримом будущем. По мнению Л. Д. Гудкова и его коллег из

Левада-Центра, правильнее было бы вести речь об изменении характера и — до некоторой степени — функций такого сознания¹. Бывший прежде идеологией обоснования или оправдания военной экспансии, доминантной роли военных в обществе, чрезмерных военных усилий в целом, милитаризм теперь стал элементом национального самосознания, самоидентификации российского общества. Гордиться россиянам сегодня, в общем-то, нечем: реформы или приостановлены, или зашли в тупик, но в любом случае не принесли тех результатов, на которые был расчет. В этой ситуации все большее значение приобретает мифологизированная и идеализируемая история «великой державы», у которой «было героическое прошлое». И здесь принципиально важно, что признаки героического — того, что именуется «славой России» в полном соответствии с традицией милитаристского мышления, на которую указывал Альфред Вагтс, — обнаруживаются только и исключительно в «победах русского оружия».

«В этом смысле, — отмечает Лев Гудков, — армия сегодня представляется не столько эффективным и дееспособным институтом, сколько воплощением наиболее важных национальных символов, ключевых ценностей для массового сознания, опорным моментом массовой идентичности»².

Можно сказать, что прежняя целостная картина мира, сформированная в течение десятилетий, разрушена, однако взамен ничего не предложено. В результате значительная часть россиян пытается выстроить новую — из милитаристских обломков строй. Именно поэтому две трети людей среднего и старшего возраста полагают, что молодежь должна отслужить в Вооруженных силах, что армия — это школа жизни, несмотря на все безобразия, которые в ней творятся. Однако молодые люди, особенно городские, особенно из образованных и состоятельных слоев, воспринимают службу в армии как каторгу, неоправданную трату времени, необходимого для получения образования, карьерного роста. Для них служба в Вооруженных силах — препятствие успешному жизненному старту, которое надо обойти любым образом. Возникает характерный парадокс: соседствуя с адекватным пониманием состояния дел в современной армии, значительную роль в общественном сознании продолжают играть милитаристские комплексы и представления.

Эта ситуация в умах отнюдь не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Используя ее, Кремль навязывает народу России собственную картину сегодняшней действительности: он стремится к тому, чтобы массовое переживание исторического поражения СССР, ощущение ущербности России в качестве его наследницы, своего рода комплекс милитаристской неполноценности обернулись верой в то, что национальные интересы могут заключаться только в усилении государства (его военной мощи).

Милитаризм в России проявляется сегодня не в виде претензий на импер-

¹ <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=551>

² www.liberal.ru/sitan.asp?Num=537&print=1

ское доминирование или наличие зон идеологического влияния, на силовой контроль в «сфере интересов» (всего этого уставшее российское население совершенно не поддерживает), но в том, что в России именуется «геополитикой»¹. На веру принимается следующее: все страны — хищники, но одни (сильные) могут себе позволить диктовать свою волю остальным, а другие (вследствие собственной слабости) — нет. Речь, таким образом, идет об интерпретации современных мировых процессов в категориях империализма XIX века. По-видимому, подобное происходит и в мусульманских странах, население которых трактует глобализацию исключительно как преднамеренное покушение «неверных» на исламские ценности.

Режим Владимира Путина пытается использовать остатки милитаристского сознания россиян для решения одновременно нескольких задач. Во-первых, навязать некий эрзац национальной идеи, сформулировать которую Кремль оказался объективно неспособен. Собственно говоря, вся национальная идея сводится к тому, что Россия обречена в одиночестве противостоять сонму врагов². И в этом противостоянии все средства хороши. Как справедливо отмечает Л. Д. Гудков, мысль о том, что всевозможные противники желают нанести нашей стране вред, странным образом поднимает россиян в собственных глазах. В самом деле, если мы объект неких «поползновений», стало быть, есть в нас что-то притягательное, нечто, что вызывает эти коварные планы к жизни³.

Также очень показательна привычка апеллировать к славной истории военных побед — прежде всего в Великой Отечественной войне. Как раз на этой победе до сих пор держится и авторитет российской армии как института, и высокий статус сегодняшнего генералитета. Она остается центральным событием в массовом историческом сознании, опорной точкой оправдания советской власти, апологии советского общества. «Значимость Победы, гордость ею растут каждый год, потому что других позитивных моментов для национального самоутверждения нет»⁴, — отмечает Л. Д. Гудков.

¹ Геополитика в российском понимании гораздо шире того, что традиционно рассматривается в рамках геополитики как политической теории. Марксизм рассматривал международные отношения с позиций *Realpolitik* XIX века — исключительно как борьбу империалистических государств и их союзов за сферы влияния. В результате этой борьбы набирающие силу государства и союзы вытесняют те, которые теряют силу и влияние. Согласно данной теории международные отношения — это так называемая игра с нулевым результатом: достижения одного из игроков неизбежно оборачиваются потерями другого (см., например, работы В.И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Империализм как высшая стадия капитализма»). Таково было единственное социально-политическое учение, широко внедрявшееся в сознание граждан СССР, и они волевым стали последователями *Realpolitik* в наиболее примитивной его форме, сами того не зная.

² Михаил Юрьев — один из тех, кто претендует на роль идеолога путинского режима, — предельно откровенно изложил эту концепцию в своей статье «Крепость Россия» (Главная тема. 2004. № 2). Рассуждения о том, что над Россией нависла угроза «внешнего управления», стали общим местом у представителей кремлевской администрации (см., например: *Медведев Д.* Россия может исчезнуть как единое государство // Эксперт. 2005. № 13 (460).

³ <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=551>

⁴ Там же.

Культивируемая ностальгия по советским временам¹ в значительной степени держится именно на культе великой войны, натужная сакрализация которой мешает видеть реальную картину современности. Организованное Кремлем празднование 60-летия Победы — прекрасная иллюстрация. Сам юбилей давал власти отличную возможность консолидировать граждан вокруг общих ценностей и символов, но избран был путь негативной мобилизации: преобладающей оказалась идея предпринимаемых врагами попыток преуменьшить всемирно-историческую роль СССР в уничтожении фашизма. Главными противниками России здесь оказались Латвия, Эстония и Грузия, главы которых отказались приехать на праздник в Москву.

Вторая задача, в решении которой Кремль стремится использовать милитаристские стереотипы сознания россиян, — легитимизация самого режима. Путинские политтехнологи пытаются (и порой не без успеха) произвести принципиальную подмену: граждан убеждают в том, что наиглавнейшим критерием в оценке влиятельности государства является его военная мощь. И если она считается единственно важной, то и сравнение с другими странами происходит исключительно по этому признаку. Так снимается с повестки дня вопрос о социально-политическом устройстве, проблема иных — немилитаристских — ценностей, гражданских прав, а также вообще дискуссия о различиях между демократиями и авторитаризмом или полицейским государством.

В итоге разрешается важнейший для Кремля вопрос о характере и легитимности власти, мотивах и самом смысле социально-политических преобразований. Все просто, утверждают прокремлевские политологи: у всех государств, политиков, партий есть свои (и неизбежно противоречащие друг другу) интересы. И у каждого есть «право» на проведение политики силы. Лишь бы этой силы хватило. Слабые страны (а также «слабые» субъекты внутривнутриполитических баталий) оказываются лишь полем борьбы между сильными. Сила — единственный аргумент в «таком грязном деле, как политика».

Оправдание внутреннего административного произвола («укрепление вертикали власти») обнаруживается в сфере политических, в том числе и внешнеполитических, отношений. Американское вторжение в Ирак рассматривается, к примеру, как очевидное доказательство права сильного (при этом мотивы, которыми руководствовался Вашингтон, не рассматриваются или откровенно фальсифицируются). А общество все принимает, поскольку другого варианта понимания происходящего нет ни у массы, ни у «элиты».

¹ В Послании Федеральному Собранию 2005 года президент России назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века» (http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type82634_87049.shtml).

Показательно, что политические оппоненты Путина в традициях мобилизационной риторики о «необходимости борьбы» с видимым и невидимым врагом тут же были причислены к пятой колонне¹. При очевидном отсутствии доказательств того, что политические противники Кремля действуют в интересах пресловутых внешних сил, любая деятельность иностранных организаций, не санкционированная властью, объявляется подрывной².

Наконец, третье — армия до сих пор воспринимается как модельный государственный институт. «Как раз "армейские безобразия": дедовщина, насилие, бессмысленная муштра — и есть та необходимая нашей стране "дисциплина" в понимании провинциальных во всех смыслах групп и слоев, — делает чрезвычайно точное наблюдение Л. Д. Гудков. — Это, собственно говоря, и есть тот необходимый опыт привыкания к репрессивному обществу, которое и расценивается уходящим поколением как "порядок", т. е. равенство всех перед командной властью»³. Это модель наиболее консервативного, архаического по сути своей института, доставшегося современной России в наследство от России петровской. Более того, как отметил сотрудник Левада-Центра А. Левинсон в ходе круглого стола, организованного Фондом «Либеральная миссия», именно сейчас россияне испытывают восторг (и этот восторг нарастает) по поводу не существующей в действительности идеальной армии: «Чем хуже представление о реальной армии, тем быстрее в последние месяцы растет позитивное отношение к некоторой воображаемой идеальной армии. Дискредитация существующей армии и ее военные поражения парадоксальным образом ведут к возвышению образа армии в глазах общества. То есть идеал становится тем чище и светлее, тем хуже его реализация на практике»⁴. Если это так, то получается, что сегодня армия в глазах значительной части населения есть такая же идеальная и справедливая модель жизненного устройства, каким некогда представлялось коммунистическое общество. Точно так же, как это было с коммунистическим учением, большинство полагает, что проблема не в самой армии, а в искаженной, неверной практике.

Безусловно, милитаризм сохраняется в национальном сознании в форме ностальгии по прежним временам. При этом он сравнительно бесполезен как механизм обеспечения массовой поддержки любой активной военной политики. Подобные настроения уже не могут обеспечить ни одобрения, ни поддержки силовой или милитаристской политики правительства. Мобилизовать об-

¹ См., например, интервью заместителя руководителя кремлевской администрации В. Суркова «Путин укрепляет государство, а не себя» в «Комсомольской правде» от 28 сентября 2004 года.

² Руководитель ФСБ Н. Патрушев заявил, выступая 13 мая 2005 года в Госдуме, что иностранные разведки осуществляют свою деятельность все более изощренными средствами, и прежде всего... через образовательные фонды. (См.: *Блинов А.* Вашингтон опровергает, Минск подтверждает // Независимая газета. 2005. 15 мая.)

³ www.liberal.ru/sitan.asp?Num=537&print=1

⁴ <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=555>

щество, заставить его пожертвовать чем-нибудь существенным, сегодня уже невозможно. «Современная Россия, — подчеркивает Л. Д. Гудков, — это деморализованное общество, общество без иллюзий, без перспектив, без надежд на лучшее будущее, без представлений о целях и путях развития, соответственно, без позитивных оснований для самоуважения. Люди хотят главным образом чуть более обеспеченной и спокойной жизни, но ждут, что эту жизнь им устроит власть»¹.

Нынешняя российская власть отдает себе отчет в том, что какая бы то ни было милитаристская мобилизация невозможна. Единственное, чего реально добиться, эксплуатируя милитаристские стереотипы, — это некоторая легитимизация режима. К примеру, было сделано все возможное, чтобы добиться отчуждения народа от празднования 60-летия Победы: собрать в Москве глав государств и правительств полусотни стран, с тем чтобы Владимир Путин хоть на один день на правах хозяина и наследника Победы стал среди них первым, оказалось куда важнее, чем попытаться возродить чувство общенародного единения.

В то же время милитаристские стереотипы позволяют обеспечивать устойчивость нынешнего режима «управляемой демократии», блокируют возможность любого позитивного развития страны. «То, что мы ценим, чем гордимся, что составляет основу нашего национального самосознания, — героическое прошлое, великая держава, сильная власть, громадность территорий, завоеванных в ходе бесчисленных войн, и т. п., — все это сегодня скорее лишает нас возможности понять ту историческую ситуацию, ловушку, в которой оказалась страна», — отмечает Л. Д. Гудков². Сакрализация Великой Отечественной войны и победы в ней препятствует рационализации восприятия и оценки прошлого, а значит, мешает осознать природу и милитаристские особенности организации российского общества, оборачивается пассивностью населения, его нежеланием разобраться в том, почему настоящее столь малопривлекательно.

Россияне склонны считать, что общественное устройство страны похоже на армейское. Во главе — президент, он же главнокомандующий, который со штабом принимает судьбоносные решения. Ну, а простым гражданам отводится роль рядовых солдат, которым надлежит выполнять приказы. От «маленького человека» ничего не зависит, власти народ не слышат, сделать ничего нельзя и т. п., — и это тоже милитаристские стереотипы. Обычный «советский» человек не верит в возможность позитивной общественной солидаризации и в изменения к лучшему. С одной стороны, народ не одобряет силовых действий правительства, с другой — безмолвствует, когда эти действия пред-

¹ www.liberal.ru/sitan.asp?Num=537&print=1

² Там же.

принимаются не по его воле. Люди предпочитают решать общие, типовые для всех проблемы поодиночке, в частном порядке, откупаясь или увертываясь тем или иным образом от власти, в том числе и от службы в армии. При этом неизмеримо выше любых милитаристских стереотипов они ставят собственное благополучие и комфорт.

«Милитаристские стереотипы и улучшение качества жизни, которого все время требует население, находятся в прямой противоположности»¹, — констатирует Л. Д. Гудков. Социологи делают вывод: любая попытка власти потребовать жертв во имя укрепления обороноспособности неизбежно натолкнется на сильнейшее сопротивление населения, которое будет реагировать по-советски — равнодушием, цинизмом, халтурой, саботажем, неисполнением. А это неизменно оборачивается коррупцией и внутренним разложением.

---

¹ www.liberal.ru/sitan.asp?Num=538

МИЛИТАРИЗМ И АРМИЯ

Логично было бы предположить, что очевидное господство милитаристских стереотипов в умах российских руководителей должно обернуться избыточностью военных приготовлений, чрезмерностью расходов на армию, превращением военных в изолированную привилегированную касту — то есть всеми следствиями традиционного милитаризма. Однако ничего этого в России не происходит. Хотя Кремлю и удалось резко увеличить размеры военных расходов, это не сказалось ни на обороноспособности государства, ни на престиже Вооруженных сил. Процесс разложения армии продолжается все пять лет президентства Владимира Путина. То, что происходит с российскими Вооруженными силами в настоящее время, самым наглядным образом демонстрирует, до какой степени могут различаться и даже противостоять друг другу цели милитаристов и задачи укрепления обороноспособности страны.

Перед российскими Вооруженными силами, нуждающимися в модернизации, стоит несколько задач. Главная из них — привести структуру армии в соответствие с типом государством и общества, которые она должна защищать. На протяжении всех 13 лет существования российской армии генералитет сохраняет советскую модель Вооруженных сил, пусть и уменьшенную в два (по одним подсчетам) или даже в три (по другим) раза. Не исключено, что такая армия может быть эффективной, но только в том случае, если на нее работает вся экономика страны и если все мужское население является так называемым мобилизационным резервом, который можно — по крайней мере теоретически — призвать под знамена в любой момент. Разумеется, такая система может действовать только в тоталитарном государстве. Поскольку в России экономика все-таки рыночная (пусть и весьма специфическая), а также декларируются основные права и свободы и принцип верховенства закона, попытка сохранить советскую военную систему обернулась структурным кризисом сегодняшней армии.

Этот внутренний кризис, превративший Вооруженные силы в острейшую социальную проблему, в принципе преодолим. Если в начале 1990-х годов еще можно было спорить о том, с чего следует начинать реформу, то сегодня очевидно, что ее основой должен стать отказ от призывной системы. Как переходить к профессиональной армии, хорошо известно: этим путем тридцать лет назад прошли американцы, а два года назад — французы. Становой хребет такой армии — профессиональные унтер-офицеры. Именно сержанты, авторитет которых обеспечивается и опытом, и военным мастерством, должны поддерживать дисциплину в казарме. Второе важнейшее направление реформы — кардинальное изменение системы военного образования и условий прохождения службы офицерами. Российский офицер, находящийся сегодня в положении крепостного, должен перестать быть ничтожным, не имеющим права на инициативу винтиком военной машины; его перемещения по службе должны быть совершенно

прозрачны, а назначения на вышестоящие должности — проходить на конкурсной основе. Третье — создание эффективной системы гражданского контроля. Она предполагает Министерство обороны, состоящее из гражданских чиновников, и открытый детализированный военный бюджет, формируемый и контролируемый Государственной Думой. Четвертое — упорядочение структуры и уменьшение численности войск. Одновременно необходимо решительно демилитаризировать все ведомства (за исключением собственно Министерства обороны), которые имеют в своем составе военные части.

Этих мер было бы достаточно, если бы к их реализации приступили десять лет назад. Сегодня задача многократно усложнилась из-за того, что на оборонную сферу оказывают влияние новые факторы. Прежде всего это новые научно-технические разработки. Благодаря им промышленно-развитые страны — в первую очередь Соединенные Штаты — стали обладателями принципиально новых систем вооружений, что в свою очередь привело к кардинальным изменениям в военной стратегии и тактике боевых действий. Важнейшим полем боя стало информационное пространство. Широкомасштабное использование разведывательных спутников и беспилотных летательных аппаратов привело к тому, что «туман войны», о котором писал фон Клаузевиц (то есть отсутствие абсолютно достоверного знания о действиях противника), рассеялся. При этом объединение информационных систем с высокоточным оружием, используемым с боевых платформ (самолетов и кораблей), которые могут находиться за десятки километров от зоны боевых действий, сократило время, которое проходит от обнаружения врага до его полного уничтожения, до нескольких минут. Как раз поэтому иракской армии так и не удалось ни разу контратаковать американские соединения, которые, оголив тылы и открыв фланги, рвались к Багдаду. Американцы уничтожали иракские соединения при попытке куда-нибудь выдвинуться, еще до того, как те достигали рубежей развертывания.

Вместе с тем появились принципиально новые противники и угрозы. Их, в отсутствие более четких терминов, принято именовать «международным терроризмом». Это не враждебные государства, а миллионы людей, которые в результате процесса глобализации оказались на обочине магистрального пути развития человеческой цивилизации. Эти миллионы, составляющие подавляющую часть населения так называемого Большого Ближнего Востока¹, представляют себе происходящее в мире как наступление врагов ислама, покушающихся на традиционные мусульманские ценности. Разумеется, и значительной части россиян присуще неадекватное представление об окружающем мире, однако мало кто из них готов платить жизнью за победу над выдуманным врагом. В мусульманском мире таких людей сотни, если не тысячи. Трагический парадокс состоит в том, что не прини-

¹ По мнению авторов этого термина, Большой Ближний Восток охватывает территорию от Мавритании и Туниса до Средней Азии.

маемая ими современная цивилизация дала им же разрушительное оружие. И это не только пассажирский самолет, который в случае захвата террористами-камикадзе легко превращается в крылатую ракету, и не только неорганические удобрения, из которых можно без труда соорудить мощную взрывчатку. Это еще и Интернет, позволяющий террористическим сообществам обходиться без жесткой организации. Чтобы инициировать террористические акты, достаточно рассылать подробные инструкции, которые единомышленники прочтут и применят на практике (не случайно все эксперты говорят сегодня о «сетевом терроризме»). С угрозой терроризма тесно связана и угроза распространения ядерного оружия.

Этот новый противник не имеет обязательств ни перед каким государством, не связан необходимостью обеспечивать безопасность какого бы то ни было народа, сохранять хоть какие-то материальные ценности. Наоборот, он заинтересован в максимальном количестве жертв среди мирного населения не только в странах, которые он считает «врагами», но и в тех, где находятся его собственные базы. Ведь чем больше будут жертвы и разрушения, тем больше людей поспешит присоединиться к священной войне с врагами ислама. Этот противник опрокидывает все старые представления о сдерживании агрессора и отпоре ему. «Туман войны», как видим, исчез только для того, чтобы появиться в новом обличье. Чтобы рассеять его, надо понять, что делается в головах всевозможных экстремистов.

Все это ставит перед вооруженными силами любого из государств принципиально новые непростые задачи, но некоторые решения в области организации армии очевидны. Налицо необходимость сделать военную организацию максимально гибкой. Показательно, что как раз сейчас в США идут эксперименты по созданию «модульных» бригад, которые могут видоизменяться в соответствии с поставленными перед ними боевыми задачами (в случае «классических» боевых действий против регулярной армии в состав бригады вводятся танковые подразделения, а в при проведении миротворческой операции — подразделения, оснащенные «хаммерами»). При этом структура вооруженных сил, их стратегия и тактика должны быть такими, чтобы была возможность в максимальной степени использовать научно-технические достижения.

Ответы на эти вызовы еще не найдены. Но российская армия даже не ищет их. Генералитет, который главной своей задачей считает сохранение массовой мобилизационной армии, предпочитает игнорировать существующие проблемы. В этом смысле чрезвычайно показательным отношением к новым формам ведения войны, выраженное в «Актуальных задачах развития Вооруженных сил РФ», последнем со времени доктринальном документе, подготовленном Министерством обороны в 2003 году. С одной стороны, военное руководство государства не может игнорировать очевидного. «Совершенно ясно, что основной ударной силой в современных конфликтах выступает воздушный компонент. И тот, кто до сих пор считает, что в современной войне, как и во Второй мировой, решающими будут удары танковых клиньев, живет устаревшими

представлениями. Враг не придет к нам на танке. Враг прилетит к нам на самолете или доставит оружие по воздуху, — говорил Сергей Иванов в своем докладе, представляя этот документ¹. — Ясно, что в современной войне успех будет на стороне того, кто сможет функционально интегрировать все информационные потоки и корректировать планы боевого применения в зависимости от изменяющейся обстановки в режиме реального времени. Это означает, что в оперативном построении группировки войск должны присутствовать разведывательно-информационный центр, действующий в рамках реального масштаба времени; автоматизированная высокозащищенная система управления войсками и оружием; а главное — воздушно-космический эшелон, выполняющий как разведывательные, так и ударные функции. Современная война требует также и повышения устойчивости средств связи и управления войсками». Но в том же докладе министр утверждает и нечто прямо противоположное: «Хотя завоевание господства в воздухе и массированное применение высокоточного оружия сохранят решающее воздействие на исход вооруженной борьбы, они не снимают необходимости проведения массированных наземных операций силами сухопутных войск. Чрезмерная зависимость от поддержки с воздуха будет являться фактором, ограничивающим боевое применение вооруженных сил»².

Говоря о революции в военном деле, российские генералы намеренно сводят проблему к поставкам высокоточного современного оружия. За скобками остается вопрос, может ли использовать такое оружие массовая армия, скроенная по советскому образцу. О каком широком использовании научно-технических достижений может идти речь, если три четверти призывников не имеют даже среднего образования?³ О каком эффективном использовании современных вооружений авиацией можно говорить, когда налет российских истребителей едва превышает 25 часов в год⁴ вместо необходимых 150? При таком налете, как справедливо заметил один из участников круглого стола «Российский милитаризм — препятствие модернизации», проходившего в апреле 2005 года в Москве, гарантии, что пилот уверенно взлетит, есть, но нет никаких гарантий, что он успешно приземлится. Стремление любой ценой сохранить количество (численность личного состава, количество самолетов) неизбежно ведет к отказу от использования новых разработок и в конечном счете — к существенному отставанию российских Вооруженных сил.

Стремление игнорировать научно-технический прогресс — очевидное следствие российского милитаризма. Вот уже полтора века идет борьба, кото-

¹ <http://www.mil.ru/articles/article3667.shtml>

² Там же.

³ <http://lenta.ru/news/2005/03/31/army/>

⁴ См.: *Володин В.* «Коуп Индия-2004»: размышления год спустя // Независимое военное обозрение. 2005. 11 марта.

рую Уильям Фуллер называет конфликтом между «технологами» и «волшебниками»¹. «Технологи» — это военные интеллектуалы, полагавшие, что традиционный российский способ ведения боевых действий, который в значительной степени основан на расточительном расходовании живой силы, а также выносливости и отваге рекрутов-крестьян, не соответствует более требованиям современной войны. По мнению «технологов», которые обязательно появлялись, когда становилось очевидным, что в очередной раз не используются достижения очередной научно-технической революции, Россия не могла больше позволить себе игнорировать возможности военной техники. «Волшебники», напротив, полагали, что особые качества русского солдата позволяют компенсировать техническое превосходство любого противника и победить несмотря ни на что. Генерал М.И. Драгомиров в 1870–1880-х годах всерьез доказывал, что способность преодолевать смерть и страдания есть основа «удальства», особенно присущего русскому солдату. В разные времена «волшебники» по-разному объясняли беззаветную стойкость русского солдата — его религиозным чувством, особенностями национального характера, верой в идеи коммунизма... И как в 1870-х «технолог» Милютин противостоял «волшебнику» Драгомирову, а в 1930-х Тухачевский противостоял Буденному, так на рубеже XX и XXI веков начальник Генерального штаба Квашнин противостоял министру обороны Сергееву. Как несложно заметить, в России «технологи» всегда оказывались в проигрыше, а «волшебники» безнаказанно расплачивались чужими жизнями, поддерживая выгодные генералитету мифы.

Разумеется, сегодня никто не рискует открыто противопоставлять «силу духа» оснащению современной военной техникой. Однако генералы, по сути, исключают возможность решительного перевооружения Вооруженных сил, настаивая на сохранении массовой мобилизационной армии. Такая армия во время войны должна насчитывать 6–8 миллионов человек², а это значит, что технически перевооружить ее невозможно. Дело не только в том, что России не под силу проводить такое перевооружение и поддерживать мобилизационные ресурсы таких размеров. Совершенно очевидно, что мобилизованные солдаты будут не в состоянии использовать современную военную технику.

Еще более показательны отношения военного руководства страны к попыткам переориентировать российские Вооруженные силы на борьбу с «терроризмом». После трагедии в Театральном центре в Москве, когда чеченские террористы захватили более 800 заложников, российский президент, точь-в-точь как президент США годом раньше, решил объявить им войну повсюду в мире. «Международный терроризм наглее и ведет себя все более жестоко. То там, то здесь в мире раздаются угрозы со стороны террористов по приме-

¹ Fuller, W.C. Strategy and power in Russia. P. 124–125.

² См.: История военной стратегии России. М., 2000. С. 528.

нию средств, сопоставимых со средствами массового уничтожения, — сказал тогда Владимир Путин на совещании с членами правительства. — Я с полной ответственностью хочу заявить, что если кто-то хотя бы попытается использовать подобные средства в отношении нашей страны, то Россия будет отвечать мерами, адекватными угрозе Российской Федерации. По всем местам, где находятся сами террористы, организаторы этих преступлений, их идейные и финансовые вдохновители. Подчеркиваю — где бы они ни находились. Соответствующие указания по внесению изменений в планы применения Вооруженных сил будут даны сегодня Генеральному штабу Вооруженных сил Российской Федерации»¹.

При этом изменения было предложено внести не только в Концепцию национальной безопасности (документ сугубо декларативный), но и в планы применения Вооруженных сил. А это вполне конкретные и потому секретные документы — по сути, планы ведения войны против отдельных государств, которые, как полагает Генштаб, представляют угрозу безопасности России.

Некоторые отечественные и иностранные эксперты поспешили заявить о коренном повороте в российской военной стратегии, который окажет решающее влияние на судьбу военной реформы. И они, конечно, были бы правы, если бы путинский приказ был выполнен. Менее всего массовая мобилизационная армия пригодна для антитеррористической деятельности. Противопартизанская война ведется мелкими группами и предполагает высокую степень обученности солдат и сержантов, их разностороннюю подготовку. Кроме того, от младших офицеров требуется умение проявлять инициативу и готовность принимать самостоятельные решения — качества, которых военное руководство безуспешно добивается едва ли не со времен осады Севастополя.

Однако эти качества бесполезны (если вообще не вредны) для Вооруженных сил, действующих крупными массами. В этих условиях слабая личная подготовка рядовых компенсируется их численностью, а от офицера требуется лишь скрупулезное безоговорочное выполнение любых приказов во имя осуществления планов высшего командования, в которые его, конечно же, никто не собирается посвящать.

Военное руководство прекрасно осознало, чем может обернуться включение антитеррористических задач в число задач Вооруженных сил, и откровенно проигнорировало приказ президента. Спустя всего три месяца после заявления Путина министр обороны Сергей Иванов, по существу, дезавуировал верховного главнокомандующего. «На мой взгляд, — заявил он, — сегодня пока еще преждевременно говорить о конкретном содержании изменений в оборонных приоритетах России, в функциях и задачах ее Вооруженных сил в связи с угрозой международного терроризма. Эти вопросы требуют тщательной

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2002/10/29532.shtml>

проработки в системе как исполнительной, так и законодательной властей страны... Коренного пересмотра основ функционирования Вооруженных сил не требуется... Мне думается, что в работе по уточнению задач не только Вооруженных сил, но и всей военной организации государства в мирное время основное внимание надо уделить таким направлениям, как разведка и оповещение, защита и охрана государственной границы, системы коммуникаций, всех ключевых элементов и объектов национальной инфраструктуры, а также подготовка сил и средств к действиям в чрезвычайных ситуациях»¹.

Спустя еще несколько месяцев в брошюре «Актуальные задачи развития Вооруженных сил РФ» уже было прямо сказано, что Вооруженные силы могут играть только вспомогательную роль в антитеррористических операциях. Весьма откровенно на сей счет высказался президент Академии военных наук Махмут Гареев: «Невозможно отвлечься и от того факта, что США, некоторые другие страны НАТО пытаются использовать угрозу терроризма как прикрытие для решения своих далеко идущих геополитических задач. Ориентация Вооруженных сил только на мелкие конфликты и локальные войны или только на борьбу с терроризмом весьма опасна. И не только потому, что локальные вооруженные конфликты по мере вовлечения в них других сторон могут перерасти в большую войну, особенно если их решительно не пресечь, как это делается сейчас в Чечне. Дело еще в том, что односторонняя направленность строительства и подготовки Вооруженных сил применительно лишь к таким военным конфликтам может привести к деградации армии, флота и офицерских кадров»².

Для того чтобы сохранить армию советского образца, военным нужен глобальный противник, и лучше всего на эту роль подходят Соединенные Штаты. Поэтому вопреки регулярным заявлениям о необходимости расширять военное сотрудничество с США, российская армия по-прежнему ориентирована на противостояние американским вооруженным силам. В «Актуальных задачах...» подробно говорится о необходимости готовить войска к отражению воздушно-космической операции. Но в мире существует только одно государство, способное такую операцию провести.

Разумеется, никто из российских генералов всерьез не собирается воевать с американцами, но под прикрытием милитаристской риторики легче всего сохранять существующую структуру армии, а также не имеющую аналогов в мире военную организацию государства, когда помимо Вооруженных сил военная служба предусмотрена еще в добром десятке министерств и ведомств.

При этом никто и не думает подтягивать российскую армию до уровня американской. Все планы обороны России основываются на идее массовой мобилизации. В стратегические маневры обязательно включаются не только ими-

¹ Равнение на право // Российская газета. 2003. 14 янв.

² Гареев М. Какие Вооруженные силы нужны России? // Отечественные записки. 2002. № 8.

тационные удары по территории США, но и призыв резервистов. В качестве важнейшего достижения 2002 года Сергей Иванов назвал мобилизацию 7,5 тысячи человек (то есть усиленной бригады или дивизии мирного времени) и переброску их на несколько тысяч километров. В 2005 году в ходе беспрецедентных по масштабам командно-штабных маневров «Щит Зауралья-2005» было задействовано уже 57 тысяч человек!¹

Деньги (и немалые) на проведение подобных мероприятий приходится отгрызать от средств, выделенных на боевую подготовку; Минобороны принципиально важно демонстрировать, что оно способно в час «Ч» призвать под ружье миллионы резервистов. Однако необходимостью сохранять и поддерживать «мобилизационный ресурс» военное ведомство оправдывает свое нежелание переходить к формированию Вооруженных сил на добровольческой основе. При отказе от всеобщей воинской обязанности количество резервистов значительно уменьшится, и правительству не удастся при угрозе крупномасштабной войны призвать миллионы людей. Кроме того, военные намеренно игнорируют тот факт, что стратегические запасы вооружений, амуниции и продовольствия, необходимые для оснащения многомиллионной армии, давно исчерпаны, а российская промышленность уже никогда не будет в состоянии эти запасы восполнить.

Сохраняющаяся ставка на всеобщую мобилизацию делает бессмысленными даже скромные попытки модернизировать Вооруженные силы хотя бы частично. В соответствии с принятой в 2003 году «Федеральной целевой программой перехода к комплектованию воинских должностей военнослужащими, проходящими военную службу по контракту» к 2008 году контрактниками должны быть укомплектованы 80 частей и соединений (из них 72 — в Вооруженных силах, общей численностью 130 тысяч сержантских и солдатских должностей²).

Из плана реформы следует, что отныне в рамках Вооруженных сил будут сосуществовать две армии. Одна элитная, состоящая из частей и соединений постоянной готовности, в которых все военнослужащие заняты исключительно боевой подготовкой и не отвлекаются на хозяйственные работы, а другая по-прежнему комплектуемая по призыву, неэффективная и бессмысленная, похожая на тюрьму. В принципе с такой ситуацией можно было бы смириться (хотя понятно, заряд какого внутреннего напряжения она неизбежно в себе несет), если бы было ясно, что «полков нового строя» должно становиться все больше, а «обычных» частей — все меньше, и так до полного исчезновения последних. Но нет, этого не произойдет. «Обязательный призыв в армию останется всегда», — упорно твердит министр обороны.

¹ <http://www.uralpolit.ru/kurgan/news/?art=23689>

² См.: Сергей Иванов: «Нам нужна миллионная армия» // Известия. 2005. 22 февр. Впрочем, в интервью журналу «Итоги» (2005. № 15) Иванов говорит о 133 тысячах солдатских и сержантских должностей, что свидетельствует о том, насколько серьезно военное ведомство относится к перспективе перевода армии на контракт.

Это означает, что и с появлением укомплектованных контрактниками соединений Министерству обороны нет никакой нужды менять концепцию обороны государства и массовой армии. Стало быть, оправдывается уродливая структура офицерского корпуса, когда полковников больше, чем лейтенантов: должен же кто-то командовать дивизиями резервистов. И не придется ничего менять в системе военного образования, если офицеры должны давать призывникам лишь самую элементарную военную подготовку. Сохраняются «мобильности», мешающие промышленным предприятиям работать эффективно и обеспечивающие этим предприятиям небескорыстную опеку чиновников Министерства обороны. Такая армия никогда не будет профессиональной, вне зависимости от того, какое число контрактников будет в ней служить.

Согласившись с необходимостью появления института профессиональных сержантов, военное ведомство не озаботилось созданием специальных учебных заведений для их подготовки¹. Все свелось к тому, что выпускникам обычных учебок, которые отслужили всего-то несколько месяцев, «настойчиво» предлагают подписать контракт. Разумеется, эти сержанты, не имея ни специальных знаний, ни опыта, не смогут подчинить себе ровесников, которые прослужили ровно столько же. Таким же образом — путем угроз и нажима — формируются целые контрактные части².

Наконец, совершенно очевидно, что новой армии нужен новый офицер: человек, посвятивший себя постоянному совершенствованию в военной профессии, получивший необходимое гуманитарное образование, чтобы стать настоящим лидером. Но реформа военного образования предполагает движение в прямо противоположном направлении: период обучения будет сокращен с пяти до четырех лет. Делается это с целью лишить будущих офицеров диплома о «гражданском» высшем образовании и тем самым удержать их в армии. При этом в Министерстве обороны делают вид, что не понимают, насколько снизится уровень тех, кто выбрал офицерскую профессию.

Из слов министра обороны прямо следует, что одновременно с созданием частей и соединений постоянной готовности, укомплектованных контрактниками, военное ведомство намерено добиваться отмены большинства отсрочек от службы в Вооруженных силах. «У нас сейчас действует 29 отсрочек от призыва. Тут мы мировые рекордсмены, — сообщает Сергей Иванов. — Но ряд отсрочек, на мой взгляд, подлежит пересмотру и отмене»³. То есть отсрочки отменяют до, а сроки службы сократят после формирования из контрактников

¹ С. Иванов обещает, что укомплектованием всех войск профессиональными сержантами Министерство обороны займется не раньше 2008 года. («Итоги» от 11.04.05.)

² Солдаты-срочники 505-го мотострелкового полка, дислоцированного в Ингушетии, сообщали, что их под давлением заставляют подписать контракт. См.: *Светова З.* Солдаты-срочники не хотят в Чечню // *Русский курьер*. 2005. 11 марта.

³ Сергей Иванов: «Нам нужна миллионная армия».

частей постоянной готовности: «К 1 января 2008 года мы должны перевести на контракт только по линии Минобороны 144 тысячи должностей солдат и сержантов. Я никогда не говорил, что мы будем переводить на контракт всю армию. Части боевой готовности — первый шаг. И только после этого можно будет реально говорить о сокращении срока по призыву с двух лет до 12 месяцев»¹. И только в том случае, если военные будут удовлетворены состоянием этих частей.

Если отменить отсрочки не удастся (в начале 2005 года Министерство обороны было вынуждено отступить: в ситуации, когда страну сотрясали митинги протеста против монетизации льгот, власть решила не раздражать граждан), Иванов обещает кардинально сократить количество военных кафедр². Минобороны намерено призывать в армию не студентов, а выпускников вузов.

Рекрутская система была одной из главных причин поражения России под Севастополем в 1856 году, но реформаторам в течение 10 лет пришлось преодолевать сильнейшее сопротивление, чтобы заменить ее призывной системой. Точно так же сейчас, когда призывная система устарела, никоим образом не соответствует уровню развития военной техники и является тяжелым бременем для экономики страны, высший российский генералитет борется за сохранение этой системы, руководствуясь своими корыстными интересами. Пусть Владимир Путин и Сергей Иванов считают российских генералов «военными профессионалами» — сами отечественные военачальники прекрасно знают цену собственному профессионализму. На самом деле они только и умеют, что призвать огромное количество людей, организовать их самое примитивное военное обучение, а потом использовать эти огромные массы, заменяя перемолотые в первом бою дивизии свежими. Так Советский Союз воевал шесть десятилетий назад, так, убеждают нас, Россия собирается воевать завтра. Мышление отечественных военачальников — классическое мышление милитаристов, как его описывает А. Вагтс: «Большинство милитаристов, будучи в политике консерваторами, являются по своей философии антиматериалистами. Они всегда предпочитают расходовать людей, экономя на материалах»³. Поэтому по определению обречены на провал любые попытки верховного главнокомандующего и министра обороны заставить военачальников заботиться о жизни и здоровье нижних чинов.

Российские генералы отдают себе отчет в том, что никакой другой армией они командовать не могут — только массовой призывной. И поэтому всеми силами препятствуют реформе Вооруженных сил и их модернизации. Защищая военный призыв, они защищают последний сохранившийся элемент со-

¹ Сергей Иванов: «Нам нужна миллионная армия».

² Калашникова Н. Мирное бремя // Итоги. 2005. 11 апр.

³ Vagts, A. A history of militarism. P. 13–15.

Российский милитаризм — препятствие модернизации страны

ветской тоталитарной системы, унаследованный ею от самодержавия. Отказ от призыва означал бы окончательный отказ от государственного «тягла», военная служба постепенно превращалась бы в профессию, которую можно свободно выбирать. Однако если российская элита будет и в дальнейшем руководствоваться милитаристскими предрассудками, то ситуация может стать необратимой: одновременно с продолжающимся разложением Вооруженных сил все более высокие должности будут занимать офицеры, получившие советское, по сути, военное образование, лишаящее их даже намека на политическую инициативу. Разрыв между реальностью и мифологизированными представлениями о ней может привести к совершенно неадекватной трактовке происходящего, может в итоге подвигнуть на любую авантюру — и она-то и обернется развалом России, которым так любят пугать кремлевские политтехнологи.

МИЛИТАРИЗМ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИИ

В предыдущих главах была предпринята попытка показать, сколь пагубно остаточные явления российского милитаризма и соответствующие стереотипы влияют и на процесс государственного управления, включая принятие решений, и на общественное сознание, и на собственно обороноспособность страны. Однако означает ли это, что милитаризм в принципе не может быть серьезной, если не основной движущей силой модернизации страны? Трудно ответить на этот вопрос однозначно.

Никуда не уйти от того, что серьезные попытки модернизации России, принесшие бесспорные результаты (их оценка выходит далеко за рамки данной работы), осуществлялись под знаменами полной милитаризации общества. Петр I, строя империю, стремился к максимальному превращению страны в казарму¹. В еще большей степени милитаристское обоснование необходимости модернизации мы обнаруживаем у Сталина: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»².

На протяжении веков Россия чаще всего прибегала к военной мобилизации, дабы концентрировать государственные ресурсы с целью модернизации. Более того, есть мнение, что, направляя возможности экономики (и используя деньги от продажи нефти) на реализацию именно высокотехнологических военных проектов, Россия сможет преодолеть разрыв с ведущими промышленно развитыми государствами. В конце концов, разве не гонка вооружений сделала СССР, а теперь и Россию ведущей ядерной державой, разве не реализация военных ракетных программ обернулась триумфом в космосе? Между тем, если верить официальным заявлениям, отечественный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) и в настоящее время обладает некими «прорывными технологиями», вроде тех, что позволили создать «планирующие боеголовки», не имеющие аналогов в мире. Казалось бы, дело за малым: обеспечить накопленными от продажи нефти средствами российских ученых, которые разрабатывают «не имеющие аналогов в мире» технологии, — и Россия из аутсайдеров научно-технической революции автоматически выходит в число лидеров. А это в свою очередь обеспечит высокую конкурентоспособность — ту самую, достижение которой не так давно Владимир Путин объявил национальной идеей³.

¹ «Когда анализируешь развитие идей Петра о государстве, реформе управления, бросается в глаза сознательная ориентация на военные образцы, на придание государству черт единого грандиозного военного механизма, — отмечает известный историк Евгений Анисимов. — При этом собственно страна, ее народ были не более чем источником ресурсов — людских и финансовых — для содержания гигантских по тем временам вооруженных сил». (Анисимов Е. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 261.)

² Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 329.

³ president.strana.ru/print/207372.html

Поверить в столь блестящие перспективы довольно сложно: несколько известных попыток использовать ОПК как двигатель модернизации, предпринятые в последние 20 лет, обернулись полным провалом. Достаточно вспомнить горбачевскую программу конверсии, которая прославилась производством лопат и кастрюль из титана. Столь же плачевно завершались и предпринятые в 1990-х годах попытки перевести отечественный ОПК «на мирные рельсы». Возникает подозрение, что в основе российского оборонно-промышленного комплекса находится нечто, что не позволяет использовать его выдающиеся достижения для подъема конкурентоспособности страны.

Следует иметь в виду, что сами эти научно-технические прорывы (по крайней мере, те, которые нам известны) достигались в результате концентрации всех ресурсов государства на каком-то одном направлении. К тому же оценка их масштаба и значимости, во всяком случае в последние 25 лет, несколько завышена. Генерал-майор в отставке В. З. Дворкин возглавлял в течение длительного времени 4-й НИИ Министерства обороны и на протяжении двух с лишним десятков лет разрабатывал и использовал систему методического обеспечения анализа уровня технического совершенства всего, что делалось в ракетно-космической технике (заметим, это как раз то направление, где у СССР были максимальные достижения и результаты). «Вся система методик была построена на том, что анализ начинался с уровня технического совершенства элементной базы, материалов, всех исходных продуктов, которые использовались для создания ракеты, — рассказывает В. Дворкин. — Затем оценивался уровень технического совершенства отдельных систем, агрегатов, двигателей, систем управления. Потом целиком уровень ракеты-носителя. Потом — весь комплекс, и туда включались эксплуатационные характеристики. В итоге создавался некий идеальный образец, который формировался на основе наших представлений и знаний обо всех передовых достижениях. А потом советские ракетные системы сравнивались с этим идеальным образцом. В лучшем случае наш носитель уступал по своим характеристикам передовому образцу — а это, как правило, была американская система — на 15–20 процентов. В остальных случаях мы отставали в разы. Из-за уровня элементной базы, из-за отсутствия высокоточных прецизионных приборов. Например, точность американских ракет была в два раза выше, а масса системного управления — в два с половиной раза ниже»¹. Это трезвая и совершенно справедливая оценка.

Более того, порой нечто «не имеющее аналогов в мире» потому и производилось, что произвести «нормальное» не могли. К примеру, Россия получила в наследство от СССР уникальные самые большие в мире подводные ракетные крейсера проекта 941. Было найдено уникальное техническое решение: ракетоносцы представляют собой катамараны. А причина весьма прозаическая:

¹ www.liberal.ru/sitan.asp?Num=552&print=1

отставание в области композитных материалов не позволило создать компактную ракету. В результате, чтобы разместить на подлодке количество ракет, сопоставимое с тем, что было развернуто на американских субмаринах типа «Огайо», потребовалось строить ракетносец в два раза больше, чем «Огайо».

Совсем жестко говорит о возможностях отечественного ОПК Д. Б. Зимин, больше трех десятилетий проработавший в советской радиоэлектронной промышленности: «Российский инженерный комплекс был выведен за рамки конкуренции. Все определялось постановлением ЦК и Совмина, в особенности когда речь шла о системах, которые в принципе невозможно испытать, например о противоракетной обороне. Успехом окончится проект или провалом, в основном определялось подписью достаточно большого количества заказчиков, представителей промышленности, военных, которые десятками лет в этом деле участвовали. В общем, на протяжении многих лет мы руководствовались поговоркой: не суетись, постановление есть — мы обречены на успех»¹.

В то же время нельзя отрицать, что если и было в советской науке и технике что-то современное (пусть не уникальное и не самое передовое), то оно было сконцентрировано на решении военных задач. Не может ли в таком случае новая милитаризация привести к прорыву?

Здесь необходимо обратиться к теории видного военного и экономического эксперта В. В. Шлыкова, раскрывающей милитаристскую сущность советской экономики. По его мнению, бессмысленно спорить о том, какой процент советской промышленности работал в военных целях: отечественная экономика на 100% была занята подготовкой к войне. В. В. Шлыков называет это «структурной милитаризацией». Индустриализация страны в 1930-х годах имела главной целью (Сталин, как известно, этого и не скрывал) подготовку к военному производству. Выпуск «мирной» продукции, будь то макароны или железнодорожные вагоны, был второстепенной целью. В этом смысле весьма показательны данные о производстве танков в СССР в 1930-х годах — больше, чем во всех странах мира, две–три тысячи в год. Однако мобилизационные мощности, создание которых планировалось на вторую пятилетку, должны были быть готовы к производству 70 тысяч танков в год, и ресурсы, направляемые на мобилизационные мощности, были намного больше, чем те, что направлялись на развитие так называемых военных отраслей (танкостроение, самолетостроение, производство боеприпасов и т.д.).

Помимо ВПК № 1, к которому Шлыков относит комплекс по производству вооружений, существовал ВПК № 2 — гипертрофированный сырьевой сектор и базовые отрасли, — производивший гораздо больше нефти, металлов, химических продуктов, чем требовалось промышленности. Все это предназначалось для выпуска вооружений, но только во время войны. «Вся экономика

¹ www.liberal.ru/sitan.asp?Num=555

страны строилась на том, что в мирное время такие ресурсы не требовались, поэтому перекачивались в гражданский сектор для поддержания некоторой сбалансированности», — считает В. В. Шлыков¹.

По существу, в этой системе гражданский сектор промышленности нужен был только для того, чтобы в случае необходимости моментально перестроиться на военное производство, а в мирное время потреблять излишние, ненужные экономике ресурсы. К примеру, алюминия в СССР выплавляли 4,5 миллиона тонн в год, 10–11% проката шло на военное производство, остальное — за исключением того, что шло на изготовление ложек и тарелок (Советский Союз был, наверное, единственной страной, где додумались делать из алюминия посуду), — девать было некуда. Все ненужные мощности держались только на случай войны: согласно генштабовским разработкам мобилизационного развертывания промышленности, СССР должен был через 3–6 месяцев после начала войны выйти на пик производства — например, самолетов вместо одной тысячи предполагалось производить 30 тысяч. Так образовывались и гигантские запасы сырья, и огромные простаивавшие производственные мощности.

Разумеется, это извращенная экономическая система. Она не только не предполагала повышения благосостояния граждан, но и всячески этому препятствовала. Одновременно это была чрезвычайно сбалансированная экономика: гигантская часть ВВП просто изымалась из оборота, что позволяло так называемой плановой экономике не развалиться. Культуролог Игорь Яковенко метко назвал это «стратегией строительства пирамид». По его мнению, подобная система еще и обеспечивала сохранение гомогенности общества, равенство его членов в условиях всеобщей и искусственной нищеты. Однако она могла существовать только в условиях жесточайшей изоляции и автаркии и была обречена на развал, как только целью экономики переставала быть подготовка страны к войне.

В. В. Шлыков утверждает, что баланс был нарушен, когда Хрущев вдруг решил закупать на Западе зерно за золото. А когда золото кончилось, для закупки зерна стали вывозить нефть, являвшуюся одним из важнейших элементов межотраслевого баланса. В этом причины последовавшей инфляции, разбалансировки цен. Горбачев многократно усилил кризисные явления в экономике попытками конверсии военного производства. По этой логике, экономический крах 1991 года произошел вовсе не из-за чрезмерного военного производства — СССР рухнул от перепроизводства сырьевых товаров, предназначенных для нужд мобилизационной экономики. Экспорт, для которого Россия открылась в 1991 году, оказался спасительным: все эти излишки хлынули на западные рынки.

По мнению В. В. Шлыкова, нынешняя экономика России представляет собой остатки структурно милитаризированной экономики. Парадокс заключа-

¹ Эта теория была изложена В. В. Шлыковым в ходе ситуационных анализов, организованных Фондом «Либеральная миссия».

ется в том, что структурная милитаризация серьезно усилилась именно сейчас за счет огромного спада в промышленном производстве и разрастания сырьевого сектора. Могут ли остатки такой экономической системы быть использованы в целях модернизации страны?

Теоретически допустимо, что президент Путин, вдохновившись примерами Петра I и Сталина, попытается возродить структурную милитаризацию в масштабе всей страны. Но практически эта вероятность ничтожно мала: структурная милитаризация немыслима в условиях рынка, стало быть, ее восстановление вернет товарный дефицит и всеобщую уравниловку, что в свою очередь неизбежно подорвет общественную поддержку режима. К тому же это потребовало бы полной экономической изоляции от остального мира, в то время как совершенно очевидно, что введение автаркии никак не входит в планы Кремля. Наоборот, налицо намерение сделать Россию важным элементом мировой экономической системы. Но при этом главная ставка делается на развитие отнюдь не инновационных технологий. По мнению В. В. Шлыкова, Владимир Путин намерен превратить Россию в сырьевую сверхдержаву. В условиях разрастающейся нестабильности на Большом Ближнем Востоке, где в основном добывается важное для мировой экономики сырье — нефть, президент хотел бы именно Россию сделать ее основным поставщиком и своего рода всемирной кладовой.

Все это — под лозунгом, что экспорт сырья обернется крупными инвестициями. Если бы это был не просто лозунг, государству следовало бы провести ряд последовательных шагов по реорганизации остатков ВПК. Главный из них — последовательная деспециализация военной промышленности. Если в советской экономике гражданский сектор служил военным целям, то теперь остатки ВПК должны перестать быть «государством в государстве», но стать частью гражданской промышленности. Именно таким путем пошли в 1980-х годах Соединенные Штаты. С точки зрения инноваций как раз военная промышленность в условиях рыночной экономики представляет собой самый удобный канал, позволяющий государству инвестировать в развитие передовых технологий. Так, рейгановская программа «звездных войн» (потерпевшая, как известно, полную неудачу) обеспечила разработку 700 технологий, включая разработку идеи Интернета. В значительной степени именно эти технологии, немедленно реализованные в гражданском секторе, и привели к беспрецедентному росту экономики США в следующее десятилетие.

Заметим, что отнюдь не нефть или другое сырье, не производственные мощности, давно устаревшие, а человеческий капитал, накопленный советским ОПК, и являлся главным богатством, полученным Россией в наследство от СССР. Это образованное население, способное к переобучению, это ученые и конструкторы, способные путем оригинального решения компенсировать общее научно-техническое отставание. Однако этим капиталом нельзя было воспользоваться мгновенно, его нельзя было разместить на счетах в ино-

странных банках — и потому на него просто не обратили внимания. Игнорирует его и нынешняя российская власть. Пока ведутся многолетние разговоры о возрождении оборонно-промышленного комплекса, происходит его депрофессионализация: в ОПК отказывается идти молодежь. В результате средний возраст работников ОПК стремительно приближается к пенсионному. Все это исключает рациональное использование советского наследства.

Более того, есть все основания полагать, что российская экономика получает прямо противоположные импульсы. Министр обороны Сергей Иванов заявил, что Министерство обороны не собирается впредь финансировать научно-технические исследования в рамках оборонного заказа¹. Более того, Иванов требует, чтобы предприятия ВПК не смели повышать конечную цену своей продукции вне зависимости от роста тарифов². При этом следует учесть, что в качестве магистрального пути развития ОПК Кремль выбрал сверхспециализацию вместо деспециализации — создание вертикально выстроенных холдингов. Даже если они начнут выпускать гражданскую продукцию, ничего путного из этого не выйдет, потому что отнюдь не производство успешных на рынке товаров должно являться целью создания таких холдингов. В свое время сообщалось, что в рамках разработки беспилотного космического челнока «Буран», точно так же как и при работе над программой «звездных войн» в США, в СССР было создано несколько сотен прорывных технологий. Но в отличие от американских разработок они были прихлопнуты, по точному определению Д. Зимина, «пыльным мешком секретности». Судостроительный завод в Комсомольске-на-Амуре в середине 1990-х, пытаясь спастись от неминуемого экономического краха, приобрел высококачественное импортное оборудование для выпуска современной мебели, но ничего так и не произвел: потенциальные заказчики и инвесторы обходили стороной секретное предприятие — чтобы попасть на него, нужно было иметь не один десяток допусков. Разумеется, есть множество других примеров того, что принадлежность предприятия к ВПК, по существу, лишает его возможности создавать и выпускать конкурентоспособную гражданскую продукцию.

Создается впечатление, что, не переставая говорить о возрождении отечественного ОПК за счет новых технологий и инвестиций, нынешнее российское руководство ведет его к гибели. Кремль отказался даже от попыток реструктуризации ВПК. В оборонном заказе не выделяются приоритеты. В результате, потратив 185 миллиардов рублей в 2005 году, Министерство обороны, по словам первого заместителя главы военного ведомства генерала Александра Белоусова, рассчитывает получить несколько новых комплексов ПВО С-400 «Триумф», шесть пусковых установок оперативно-тактических ракет «Искандер-М», две стратегические атомные подводные лодки, 40 новых

¹ Победа остается за нами // Российская газета. 2005. 4 мая.

² Сергей Иванов: «Нам нужна миллионная армия».

танков Т-90, 92 бронетранспортера БТР-80 и 24 боевые машины пехоты БМП-3. Кроме того, на вооружение ВВС будут поставлены два ракетносца Ту-160, истребители Су-27СМ и четыре вертолета Ми-28Н. В Ракетные войска стратегического назначения будут поставлены семь межконтинентальных баллистических ракет и пять ракет-носителей¹. Генеральный конструктор стратегических ракет «Тополь-М» Юрий Соломонов уже успел заявить, что запланированные объемы производства не могут обеспечить его рентабельность². А что говорить об «Уралвагонзаводе», линии которого предназначены для выпуска сотен танков!

Милитаристская риторика — в частности, бесконечные заявления о готовности к любому виду военных действий — служит в данном случае прекрасной ширмой, прикрывающей успешное расхищение военного бюджета. Отказ обозначить ясные приоритеты в финансировании оборачивается тем, что небольшие средства ровным слоем размазываются по всему ОПК. В результате заказанная продукция производится не серийно (что серьезно удешевило бы ее), а в единичных экземплярах. Это неизбежно ведет к гибели ОПК.

Главным источником средств по-прежнему остаются экспортные заказы. Но ведь Россия поставляет вооружения, создаваемые по технологиям тридцатилетней давности, и предприятиям необходимо обеспечивать постпродажное гарантийное обслуживание еще на 10–15 лет, иначе эти вооружения никто не купит. Это означает, что все последующие годы предприятия будут автоматически привязаны к давно устаревшей технологии. Выходит, для того чтобы быть конкурентоспособными сегодня, они должны лишить себя конкурентоспособности на завтра и послезавтра.

Следует признать: модернизация России за счет милитаризации выглядит совершенно невозможной. Кремль лишь бессмысленно расходует деньги, желая задобрить военнослужащих и людей, занятых в ОПК. По мнению В. В. Шлыкова, сегодняшняя идея превращения страны в супердержаву неизбежно обернется переходом к милитаризму нового типа — сырьевого. Для этого власть намерена использовать сырьевой мобилизационный ресурс, который достался ей в наследство от СССР, в качестве источника обогащения «новой» постъельцинской элиты, сформированной по большей части из представителей силовых структур. Роль армии, правоохранительных органов и спецслужб будет главным образом сконцентрирована на том, чтобы обеспечить этой элите постоянный доступ к источникам сырьевых богатств. В результате Россия может превратиться в дикое полицейское государство, подобное южноамериканским банановым республикам. Впрочем, просуществовать оно не дольше чем до очередного кризиса перепроизводства.

¹ *Северинов С.* Мускулы армии крепнут // Красная звезда. 2005. 29 янв.

² Юрий Соломонов: «Я поднял на ноги спецслужбы, аппарат президента, правительство» // Известия. 2003. 21 дек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, что же представляет собой российский милитаризм как явление? Может показаться, что сегодня он мертв. Исчезло тоталитарное государство, едва ли не главным предназначением которого было поставлять рекрутов в армию. Изменились и основные задачи промышленности, которая явно не может и уже не хочет обеспечивать вооружением и амуницией многомиллионные Вооруженные силы. Наконец, нет больше возможности бесконтрольно использовать человеческие ресурсы: страна стремительно приближается к демографической дыре. Это делает концепцию массовой мобилизационной армии нереализуемой. Многие эксперты уверены, что через три–четыре года число юношей, достигающих 18-летнего возраста, сравняется с количеством должностей военнослужащих срочной службы согласно штатному расписанию Вооруженных сил. Для того чтобы соответствовать этому расписанию, страна должна будет перестать пополнять новыми кадрами промышленность и сферу услуг, задержать подготовку необходимых специалистов — то есть отказаться от попыток направлять человеческие ресурсы в экономику, а не в военную сферу. Чтобы уже в 2008 году получить возможность призывать в армию выпускников гражданских вузов, Генштаб распорядился прекратить прием студентов на военные кафедры институтов и университетов. Вряд ли генералы, решившие оградить российскую экономику от притока новых кадров, согласовывали свои планы с ведомствами, отвечающими за удвоение ВВП. Однако довольно скоро Кремль будет вынужден сделать выбор между экономическим развитием страны и удовлетворением амбиций российских военных.

Более того, ни для кого не секрет, что результатом как внутренней деградации Вооруженных сил, так и кардинальных изменений в международной обстановке стало то, что российская армия объективно не может обеспечивать безопасность государства, то есть делать то, ради чего она вроде бы существует.

Но власть продолжает делать вид, что не видит этого глубочайшего кризиса, и уверять, что достаточно дать еще больше денег военным, закупить новую технику и вооружения — и дело пойдет на лад. Очевидно, что сегодняшней власти армия нужна вовсе не для обороны страны, а для решения совершенно иных задач. И для их решения идеальна именно архаичная неререформированная армия.

По армейской модели проводится как внутренняя, так и внешняя политика. Путин и его окружение намерены модернизировать Россию «сверху», опираясь исключительно на административный ресурс. При таком подходе население страны уподобляется солдатам, во имя победы обязанным слепо выполнять приказ, а любой, кто рискует высказывать сомнения в правильности и обоснованности приказа, объявляется либо трусом и паникером, либо вражеским агентом.

Армейской остается и приемлемая для значительной части россиян модель социальных отношений — подчинение младших старшим в соответствии с должностью и званием. Наконец, признание существующей армии правильной и необходимой служит легитимизации путинского режима и милитократии. Естественно, что окружающий мир воспринимается не иначе как стан врагов России. Руководители государства по-прежнему рассматривают большую часть иностранных государств в качестве потенциальных противников. Эти взгляды не без успеха навязывают и населению. Милитаризм превратился в важнейший элемент российской самоидентификации: история, от древней до новейшей, преподносится как череда победоносных оборонительных войн, превративших Россию в огромную могущественную державу.

Российский милитаризм поменял среду обитания. Теперь он выражается не столько в избыточных военных приготовлениях и особом влиянии военных на власть, сколько в стереотипах мышления элиты и отчасти народа. Страна, в течение трех веков не знавшая иной организации, кроме военной, считает ее правильной и единственно возможной. Сама же армия в данном случае — скорее символ милитаризма, чем его источник и оплот. Такой «гражданский милитаризм» является одним из главных препятствий на пути модернизации.

Непросто ответить на вопрос, возможно ли в ближайшем будущем устранить эту преграду, существующую в виде милитаристских стереотипов. Разумеется, общественное сознание способно избавиться от подобных пережитков при кардинальной смене обстановки. Вспомним о послевоенных Германии и Японии, которые в условиях иностранной оккупации довольно быстро излечились от милитаризма. Если российская власть не пыталась бы эксплуатировать милитаристские предрассудки, а взялась бы строить принципиально иное общество, в настоящее время эта проблема не стояла бы так остро.

Но вряд ли стоит всерьез рассчитывать на то, что власть вдруг решится на принципиальные реформы, включая военную, и перестанет использовать в своих целях стереотипы общественного сознания. А это означает, что либеральной общественности следует уже сейчас, не дожидаясь благоприятных условий, начинать разрушать эти стереотипы.

Прежде всего необходимо сконцентрироваться на основательной критике традиционной российской модели строительства Вооруженных сил, которую военные по сей день рассматривают как идеал. Необходимо настойчиво разъяснять, что существующая система военного устройства страны не может быть реформирована в принципе, что ее время ушло навсегда вместе с исчезновением той государственной машины, которая и создана была, чтобы обеспечивать эту систему. Необходимо доказывать, что одной из важнейших задач государственного строительства является переход к принципиально иному войску.

Не менее важное дело — просвещение элит. Необходимо написать подлинную, основанную на реальных фактах, а не на мифах военную историю Рос-

сии, прежде всего историю Великой Отечественной войны. Это задача огромной сложности, и тем, кто возьмется за ее решение, придется многое создавать с нуля: не только советская, но и дореволюционная военная историческая наука находилась под жестким государственным контролем, не допускавшим сколько-нибудь критического анализа. Подспорьем здесь могли бы служить серьезные исторические труды западных ученых¹, публикация которых в нашей стране заронила бы хоть какое-то сомнение в незыблемости милитаристских стереотипов.

Еще одним направлением должно стать создание альтернативной системы военного образования при гражданских вузах. В учебные программы можно ввести факультативные курсы, дающие представление об истории военной стратегии и военном искусстве, военной организации и военном строительстве в других государствах, о военно-гражданских отношениях. Это способствовало бы началу формированию иного — адекватного — взгляда российской политической элиты на обеспечение обороны и безопасности государства, а также подготовке компетентных чиновников, которые смогли бы работать в Министерстве обороны в будущем, когда это ведомство станет гражданским. Таким образом, было бы положено начало созданию независимой военной экспертизы. (Похоже, что теперь, когда Генштаб вознамерился закрыть военные кафедры в большинстве гражданских вузов, осуществить эти планы будет легче: Минобороны потеряет возможности давления на ректоров.)

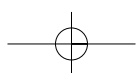
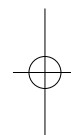
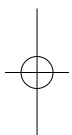
Подобные предложения, конечно, могут казаться планами прекрасного мечтателя. В нынешней России непросто найти средства на антимилитаристское просвещение, тем более что результаты его проявятся спустя годы, если не десятилетия. Тем не менее начинать эту работу, причем немедленно, просто необходимо. В противном случае «остаточный» российский милитаризм так и будет одним из главных препятствий на пути модернизации страны.

¹ Например: *Colton, T.C.* 1981. *Commissars, Commanders, and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics.* Cambridge, Mass: Harvard University Press; *Geyer, D.* 1987. *Russian imperialism: the interaction of domestic and foreign policy. 1860–1914.* Yale University Press; *Menning, B.* 1999. *Bayonets before bullets: the Imperial Russian Army. 1861–1914.* Indiana University Press. December; *Odom, W.E.* 1998. *The Collapse of the Soviet Military.* Yale University Press; *Brian, T.* 2003. *Politics and the Russian Army: Civil-Military Relations. 1689–2000.* N.Y.: Cambridge University Press; *Fuller, W.C.* 1999. *Strategy and power in Russia. 1600–1914.* New York: Free Press; *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia. 1462–1874.* Clarendon press Oxford, 1995.

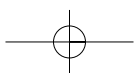
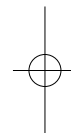
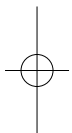
Для заметок

Для заметок

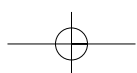
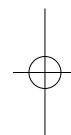
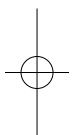

Для заметок

АЛЕКСАНДР ГОЛЫЦ
РОССИЙСКИЙ МИЛИТАРИЗМ — ПРЕПЯТСТВИЕ
МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Подписано в печать 24.11.2005
Печать офсетная

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 923 33 13, 924 26 25
Факс: (495) 923 28 58